

Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

В. Жмакин

Иннокентий, епископ Пензенский

Опубликовано:

Христианское чтение. 1885. № 7-8. С. 127-172.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru),
2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии
Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбДА
Санкт-Петербург
2010

Иннокентій, епископъ пензенскій.

(Продолженіе ¹⁾).

Съ 1813 года Иннокентій состоялъ первымъ членомъ цензурнаго комитета и на себѣ одномъ несъ большую часть работъ, поступавшихъ въ комитетъ. Не смотря на то, что цензорство представляло для Иннокентія одно изъ побочныхъ его занятій, онъ и здѣсь трудился съ удивительною энергіею. Онъ одинъ служилъ душою всего цензурнаго комитета, другіе члены были членами болѣе по имени, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Изъ отчетовъ цензурнаго комитета видно, что при Иннокентіѣ цензурный комитетъ состоялъ только изъ трехъ лицъ. Кромѣ самого Иннокентія въ числѣ членовъ цензурнаго комитета находились два протоіерея: Іоаннъ Бедринскій и Іоаннъ Данковъ. Труды ихъ распределялись очень неравномѣрно, что съ очевидностію явствуется изъ слѣдующихъ числовыхъ данныхъ. Въ 1813 году Иннокентій разсмотрѣлъ пять рукописей, другіе два члена ни одной; въ 1814 году Иннокентіемъ были разсмотрѣны семнадцать рукописей, протоіереемъ Бедринскимъ четыре и протоіереемъ Данковымъ одна рукопись; въ 1815 году Иннокентіемъ разсмотрѣны семнадцать рукописей, о. Бедринскимъ—одна и о. Данковымъ—также одна рукопись; въ 1816 году Иннокентій разсмотрѣлъ десять рукописей, Бедринскій—двѣ, а Данковъ три. Такимъ обр. Иннокентій, въ теченіи четырехъ (неполныхъ) лѣтъ будучи членомъ цензурнаго комитета, одинъ разсмотрѣлъ сорокъ девять рукописей, тогда какъ два другіе члена цензурнаго комитета за это же самое время оба вмѣстѣ разсмотрѣли не болѣе двѣнадцати.

То обстоятельство, что архимандритъ Иннокентій работалъ въ

¹⁾ См. «Христ. Чтен.» 1884 г., ч. I, стр. 420—442, 771—797; ч. II, 75—98.

цензурномъ комитетѣ одинъ за всѣхъ, ложилось на него тяжелымъ бременемъ и отнимало у него массу времени. Такъ образомъ не смотря на то, что цензорство являлось для него побочнымъ дѣломъ, оно отрывало его отъ главныхъ его обязанностей по семинаріи. Иннокентій по этому высказывалъ неоднократно желаніе отказаться отъ цензорства. Въ 1817 году онъ вошелъ въ цензурный комитетъ съ запискою слѣдующаго содержанія:

«Хотя въ уставѣ, цензурному комитету данномъ, не заключается правила о представленіи высшему начальству отчетовъ въ занятіяхъ комитета, но я почитаю не излишнимъ довести таковыя занятія до свѣдѣнія академической конференціи, почему и предложилъ цензурному комитету не благоугодно-ли будетъ составить отчетъ въ занятіяхъ онаго съ сентябрьской трети 1813 года, когда я вступилъ къ должности члена, и представить оный на усмотрѣніе конференціи съ заключеніемъ, дабы по умножившимся моимъ занятіямъ благоволено было уволить меня отъ дѣлъ комитета» ¹⁾.

Какъ и слѣдовало ожидать, конференція академіи, а за нею и высшее духовное начальство не признали возможнымъ исполнить просьбу Иннокентія, потому что для всѣхъ было ясно, что съ увольненіемъ его отъ членства въ цензурномъ комитетѣ дѣятельность послѣдняго съузится до самыхъ крайнихъ размѣровъ. Иннокентію волей неволей пришлось остаться въ числѣ членовъ цензурнаго комитета.

Какъ цензоръ, Иннокентій отличался аккуратностью и строгимъ отношеніемъ къ своему дѣлу. Онъ одинаково внимательно просматривалъ всѣ поступающія на его заключеніе сочиненія. Чистота и вѣрность ученію православной церкви служили для него девизомъ, отъ котораго никогда не отступалъ—даже и тогда, когда отлично хорошо звалъ, что онъ шелъ на переکورъ взглядамъ всемогущаго министра духовныхъ дѣлъ. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ двухъ случаевъ.

13 марта 1817 года ректоръ академіи, архимандритъ Филаретъ, вошелъ въ цензурный комитетъ съ слѣдующимъ предложеніемъ:

¹⁾ Дѣло с. петерб. комитета духовн. цензуры 1817 года № 8.

«Господинъ тайный совѣтникъ, государственнаго совѣта членъ, сенаторъ и кавалеръ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ представленную его сіятельству для поднесенія Государю Императору рукопись подъ названіемъ: «Изъясненіе на Евангеліе» препроводилъ ко мнѣ при отношеніи съ тѣмъ, чтобы я предложилъ оную на разсмотрѣніе духовной цензуры и сообщилъ-бы его сіятельству мнѣніе объ оной, на которомъ-бы основываясь могъ онъ сдѣлать донесеніе Его Императорскому Величеству. Согласно съ требованіемъ его сіятельства препровождаю означенную рукопись въ цензурный комитетъ духовной академіи съ тѣмъ, чтобы онъ благоволилъ разсмотрѣть оную по даннымъ ему для руководства правиламъ, и доставить мнѣ при возвращеніи сей рукописи свѣдѣнія: такова-ли сія книга, чтобы она могла быть безпрепятственно напечатана, и такого-ли она достоинства, чтобы могла быть издана съ пользою для духовнаго просвѣщенія».

Въ цензурномъ комитетѣ рукопись рѣшено было передать на разсмотрѣніе перваго члена комитета архимандрита Иннокентія, который 30 декабря 1817 года представилъ о ней слѣдующій довольно любозытный отзывъ:

«Книгу подъ названіемъ «Изъясненіе на Евангеліе», выбранное изъ толкованія блаженнаго Теофилакта, архіепископа болгарскаго, по своду Евангелія, изданному Чеботаревымъ по порученію комитета читалъ я и нашелъ въ ней: 1) странную смѣсь Теофилактовыхъ извлеченій изъ Златоуста съ порядкомъ Чеботаревымъ. Въ ней не видно ни истиннаго толкованія Златоуста, поелику блаженный Теофилактъ по своему образу мыслей только почерпалъ изъ пространныхъ Златоустовыхъ бесѣдъ на Евангеліе, ни собственно извлеченій блаженнаго Теофилакта, поелику связь соблюдаемая Теофилактомъ въ евангельскихъ происшествіяхъ и притомъ особенная у каждаго евангелиста потеряна для порядка, сдѣланнаго Чеботаревымъ.

2) Темноту въ выраженіи, въ соединеніи мыслей и въ самыхъ мысляхъ. Всѣ сіи виды *темноты* и *зблизчивости* встрѣчаются весьма часто, иногда всѣ на одной страницѣ и не одинъ разъ. Изъ множества ихъ для образца здѣсь помѣщаются нѣкоторыя. Предисловіе стран. XV: объ Іоаннѣ евангелистѣ говоритъ: Сей-же (Іоаннъ) о предвѣчномъ сказалъ: дабы не подумалъ кто, что Христось тогда первѣе въ бытіе произшелъ, когда отъ Маріи родился. Сего ради великій Іоаннъ, о горнемъ рожденіи воспріемля, не оставилъ упомянуть и о воплощеніи Слова. Такой слѣпокъ понятій кажется не свойственъ ни Златоусту, ни блаженному Теофилакту.—На той-же XV стран. можно видѣть недостатки въ языкѣ. Стран. 2-я на оборотѣ: Необычнымъ видѣніемъ и

святые смущаются. Но Ангель останавливает мятежь. Имѣй признакомъ отъ Бога бываемымъ и бѣсовскимъ, сіе: ежели отъ мятежа начнется страшить помысль и вскорѣ уставится разрушаемому страху, божественное есть видѣніе—отъ неисправности перевода мысль представляется неудобопонятною.

Стр. 3-я толкованіе на 18—20 ст. 1-й главы Ев. Луки. Хотя и святъ Захарія, однако къ чуду дѣтотворенія взирая неудобно вѣровалъ: а потому Ангель санъ свой повѣдаетъ: Азь есмь Гавріилъ предстояй предъ Богомъ, а не льстець. И наказывается Захарія какъ ослушавшійся глухотою и какъ противорѣкій молчаніемъ. Прообразовалъ-же сіе и на іудеевъ: какъ онъ будучи старецъ и бесплоденъ и не вѣровавъ родилъ Сына большаго пророковъ. Такъ іудейское священство обетшавшее... и не послушливое бывшее, однако Слово Божіе владыку пророковъ, родило во плоти: Ему-же родившемуся бывшіе прежде не послушливые въ вѣру доброгласно пришли. Здѣсь погрѣшности и въ изъясненіи и въ языкѣ—въ изъясненіи, потому что несправедливо будто-бы Захарія наказанъ глухотою, сего нѣтъ въ Евангелии, еще будто-бы іудейское священство бесплодное и непослушливое родило Божіе Слово, сего также не потерпитъ слово истины.

А погрѣшности языка безъ замѣчанія сами собою представляются каждому читателю.

3) Сверхъ сего есть другія странныя изъясненія и мысли, напри- мѣръ: «и оба замоторевша во днѣхъ своихъ бѣста (Захарія и Елизаветъ) и по плоти и по духу. По душѣ замоторѣли т. е. предъуспѣли, восхождение въ сердцѣ полагая день имѣюще, а не ночь житіе какъ во свѣтъ ходяще благообразно». —Странно слагаются понятія какъ будто сходныя между собою—замоторѣть *по плоти и по духу*. Старость или замотореніе по плоти, очевидно есть недостатокъ, и замотореніе по духу изъяснитель почитаетъ совершенствомъ.

Стран. IX на оборотѣ. А что отъ преселенія вавилонскаго до Христа родовъ четырнадцать сказано, а лицъ тринадцать, то можно-бы приложить Богородицу, ежели-бы родословилася жена. Но нѣкоторые самое преселеніе вмѣсто лица сказываютъ. Изъяснитель открывъ несообразность въ численіи евангельскомъ оставляетъ его безъ рѣшенія, потому что недостатокъ числа Богоматерію, самъ отвергаетъ такое дополненіе, а потомъ вводя мнѣніе будто-бы кто-то самое преселеніе называлъ лицемъ четырнадцатымъ, показываетъ болѣе нелѣпность мнѣнія нежели разрѣшеніе.

И потому заключилъ, что сіе изъясненіе на Евангеліе не принесетъ никакой пользы по изданіи въ свѣтъ, да и къ напечатанію не можетъ быть одобрено.

Цензурный комитетъ утвердилъ въ общемъ своемъ засѣданіи мнѣніе архимандрита Иннокентія и возвратилъ рукопись ректору академіи, епископу Филарету, отъ котораго она и доставлена была въ комитетъ по приказанію князя Голицына ¹⁾.

Второй случай. 29 марта 1817 года по порученію князя А. Н. Голицына архимандритъ Иннокентій внесъ въ цензурный комитетъ на разсмотрѣніе рукопись подъ названіемъ: „Разговоръ духовника съ кающимся христіаниномъ и желающимъ приступить къ святому причащенію“ и просилъ комитетъ, разсмотрѣвъ ее, дать о ней мнѣніе для сообщенія онаго министру духовныхъ дѣлъ. Цензурный комитетъ по обыкновенію разсмотрѣніе полученной отъ князя Голицына рукописи поручилъ самому Иннокентію. Спустя нѣкоторое время Иннокентій далъ слѣдующій отзывъ о рукописи, адресованный имъ прямо на имя князя Голицына:

«Сіятедьнѣйшій князь,

Милостивый государь!

При отношеніи вашемъ присланный ко мнѣ въ рукописи «Разговоръ духовника съ кающимся христіаниномъ и желающимъ приступить ко святому причащенію», переведенный и исправленный смоленской епархіи священникомъ Соколовымъ, разсмотрѣнь духовнымъ цензурнымъ комитетомъ, который нашель, что 1) переводчикъ не соблюлъ чистоты и правильности въ языкѣ, такъ какъ видно между прочимъ изъ первыхъ строкъ первой страницы и перваго вопроса, гдѣ кающійся просить наставленія въ отношеніи назиданія души своей. «Наставленіе въ отношеніи назиданія души» не говорится по русски. Подобныхъ мѣстъ много.

2) Въмѣсто исправленія, какъ г. переводчикъ обѣщаль въ предувѣдомленіи, не исправилъ того, что не сообразно съ постановленіями и ученіемъ церкви: именно на второй страницѣ духовникъ внушаетъ кающемуся не исповѣдь, какъ необходимое приготовленіе къ причащенію, но самоиспытаніе, и присоединяетъ: состояніе души твоей извѣстно можетъ быть только тебѣ, а не другому. Напротивъ св. апостоль Павелъ и церковь учать исповѣдывать другъ другу согрѣшенія, или открывать сердце, дабы въ глубокихъ его изгибахъ не утаился грѣхъ, коего своимъ глазомъ никакъ примѣтить не можно. Для лютеранина-же довольно *самопознанія*, потому что ему наше таинство покаянія кажется ненужнымъ и не есть таинство. И церковь впрочемъ требуетъ самопознанія,

¹⁾ Дѣло архива с.-петерб. комитета духовной цензуры 1817 года, № 3.

но какъ предварительнаго дѣйствія предъ таинствомъ покаянія, и предписываетъ возобновлять его каждый вечеръ и утро, а такимъ образомъ чрезъ самопознаніе приводитъ къ таинству покаянія, дабы чрезъ таинство покаянія привести къ таинству причащенія.

На вопросъ: лицемѣры и невѣрующіе ѣдятъ-ли тѣло Христово и пьютъ-ли кровь Его? отвѣта нѣтъ. Они принимаютъ только наружные знаки, или стихіи. Такой отвѣтъ явно противорѣчитъ словамъ Апостола: *ядый и пійи не достойнъ судъ себѣ ясть и пїеть* т. е. лицемѣры и невѣрующіе приемятъ въ евхаристіи не одни наружные знаки: но самое тѣло и самую кровь Христову, только въ судъ или въ осужденіе себѣ, а не во исцѣленіе и жизнь.

Въ рукописи читается: вѣра есть жизнь души и потому человекъ мертвый грѣху не можетъ быть Христомъ питаемъ. Выраженіе мертвый грѣху не выразумлено. Апостолъ называетъ мертвымъ міру того, кто ожилъ Христу, слѣдовательно и мертвый грѣху есть тотъ, кто ожилъ правдѣ, а потому и можетъ питаться Тѣломъ Іисуса Христа.

Слѣдующій за симъ вопросъ духовника также не ясенъ, а не ясными и противными выраженіями помрачается или опровергается истина.

3) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слова св. Писанія, извлеченныя по намѣренію г. переводчика въ подтвержденіе мыслей авторскихъ, не подтверждаютъ ихъ и не свое мѣсто занимаютъ: напримѣръ на слова автора «Іисусъ Христосъ содѣлался человекомъ» приведенъ текстъ: *въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово* и пр.

Посему цензурный комитетъ заключилъ: не можно г. переводчику позволить печатаніе разговора, доколѣ не исправитъ недостатковъ языка, неправильности мыслей и приложения слова Божія къ словамъ сочинителя. Препровождая вашему сіятельству мнѣніе комитета и подлинную рукопись, вмѣю честь быть и пр. ¹⁾

Подобныя строго критическія, хотя и правдивыя, отзывы о. Иннокентія не всегда могли правиться министру духовныхъ дѣлъ, который весьма часто любилъ брать на себя хлопоты по изданію книгъ религіознаго характера, хотя при этомъ обнаруживалъ мало разборчивости къ ихъ содержанію.

Выше были указаны условія, способствовавшія выступленію Иннокентія въ роли борца противъ господствовавшаго въ обществѣ мистицизма. Не сомѣнно, Иннокентій остался-бы въ сторонѣ отъ борьбы или во всякомъ случаѣ выступилъ-бы дѣйствующимъ лицомъ въ ней позднѣе, чѣмъ обнаруживалось на дѣлѣ, если-бы не уче-

¹⁾ Дѣло архива с.-петербург. комитета духовной цензуры 1817 года, № 4.

никъ его Фотій. Самъ открыто и рѣзко выступивъ на борьбу, Фотій постарался вовлечь въ нее и своего друга и учителя Иннокентія. Послѣдній, отличавшійся сколько добрымъ, столько-же и мягкимъ, уступчивымъ характеромъ, не могъ долгое время устоять противъ настойчивыхъ убѣжденій своего энергическаго ученика. Впечатлительный, горячій по своему темпераменту, что при извѣстной его болѣзненности естественно должно было выражаться въ еще болѣе рѣзкой формѣ, Иннокентій сдавался иногда предъ настойчивостью Фотія и дѣйствовалъ слѣпо по его указаніямъ и въ духѣ его полемическихъ плановъ. Но выпадали случаи, когда онъ давалъ и отпоръ навѣтамъ своего ученика.—Самъ Фотій въ своей автобіографіи неоднократно высказываетъ жалобы на своего обожаемаго учителя по поводу его уступчивости предъ мистиками и даже его слабости. Мало того Фотій сообщаетъ и то весьма важное свѣденіе, что Иннокентій самъ лично возставалъ противъ того полемическаго задора, съ которымъ Фотій относился къ борьбѣ съ противниками. „Самый Иннокентій даже былъ противъ него (т. е. Фотія) вооруженъ,“ пишетъ Фотій въ своей автобіографіи ¹⁾. Эти слова по времени относятся къ 1818 году. Значитъ еще и въ это время Иннокентій окончательно не опредѣлилъ своего положенія въ борьбѣ съ мистиками и колебался. Вообще нужно сказать, что Иннокентій мягче и снисходительнѣе относился къ противоположному направленію, чѣмъ Фотій. Если-же онъ тѣмъ не менѣе позволялъ себѣ иногда выходить за предѣлы умѣренности, то это происходило всегда почти подъ непосредственнымъ воздействием на него Фотія.

Въ первые годы въ Иннокентіѣ не только не замѣчается особенной рѣшимости выступить на борьбу, но даже теоретическія его воззрѣнія, насколько только можно судить по сохранившимся даннымъ, имѣли нѣсколько отличный отъ Фотіевыхъ характеръ. Тотъ и другой иногда расходились во взглядахъ на значеніе массами выходявшихъ въ то время разныхъ религіозно-нравственныхъ сочиненій съ мистическимъ отбѣнкомъ. У Иннокентія не была развита въ такой сильной степени подозрительность ко всему окружающему,

¹⁾ Книга II, гл. I.

какую всегда заявлялъ Фотій ¹⁾). Въ 1815 и 1817 годах Иннокентій, какъ духовный цензоръ, допустилъ къ напечатанію сочиненіе — „Истинное челоуѣковъ зеркало“ ²⁾, тогда какъ у Фотія это сочиненіе не заслуживало никакого другаго названія кромѣ „скверной“ книги ³⁾).

Какъ духовный цензоръ, Иннокентій, хотя и отъ имени всего цензурнаго комитета, въ предѣлахъ данной ему власти старался предупреждать появленіе мистическихъ сочиненій. Въ 1813 году въ цензурный комитетъ представлена была на разсмотрѣніе книга „Сравнительная философская исторія“ Г. Дежерандо, въ трехъ томахъ. Иннокентій не допустилъ къ печати это сочиненіе и отправилъ его въ комиссію духовныхъ училищъ, присоединивъ къ нему и написанныя имъ противъ этого сочиненія подробныя замѣчанія. Въ 1814 году въ цензурномъ комитетѣ получена была на разсмотрѣніе книга подъ названіемъ: „Торжество евангелія“ вмѣстѣ съ сдѣланными на нее московскою духовною цензурою замѣчаніями. Разсмотрѣвши сочиненіе, Иннокентій не счелъ возможнымъ пропустить его и съ подробными примѣчаніями отправилъ его въ комиссію духовныхъ училищъ. Въ 1816 году сочиненіе „торжество евангелія“ изъ комиссіи духовныхъ училищъ снова поступило на разсмотрѣніе цензурнаго комитета, но и здѣсь оно долгое

¹⁾ Вотъ одинъ любопытный фактъ, свидѣтельствующій о разности во взглядахъ Фотія и Иннокентія, — фактъ, въ которомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, такъ какъ онъ переданъ самимъ Фотіемъ. Последній пишетъ о г-жѣ Хвостовой, что „глупыя письма ся печатались и были съ усердіемъ отъ многихъ читаемы: самъ великій мужъ ректоръ семинаріи Иннокентій, читая нѣкогда, восхвалялъ письма ея и называлъ ее (Хвостову) христіанкою прикѣрною. Фотій же ему сказалъ: отче! мы здѣсь на землѣ живемъ, а не въ раи Божіемъ. Святая праматерь Евва отъ змія была уловлена, а змій чрезъ нее уловилъ праотца, то уже ли Хвостову сатана не можетъ уловить, а чрезъ нее ученыхъ и духовныхъ?... Единое знаю, что Хвостова есть лже-христіанка, духъ ученія ея происходитъ отъ діавола... На что великій Иннокентій былъ согласенъ и оттолкъ не имѣлъ уже вѣры ея ученію“. Автобіографія, кн. II, 80.

²⁾ Дѣло архива с.-петербургскаго цензурнаго комитета 1817 г., № 2.

³⁾ Первая книга собранныхъ Фотіемъ матеріаловъ, № 40 въ рукописи черниговской семинаріи.

время находилось въ неопредѣленномъ положеніи и выпущено было въ свѣтъ уже послѣ Иннокентія ¹⁾).

Въ 1815 году была напечатана, а въ 1816 году выпущена въ свѣтъ книга подъ названіемъ „Побѣдная повѣсть“ или истолкованіе Апокалипсиса. Это былъ переводъ одного изъ сочиненій Штиллинга, сдѣланный А. Θ. Лабзинымъ. Побѣдная повѣсть, отличаясь крайнимъ развитіемъ мистицизма, отзывалась въ то же время направленіемъ совершенно противнымъ духу православной вѣры. Въ ней, по словамъ одного хотя и не совсѣмъ безпристрастнаго современнаго критика, находилось не мало оскорбительнаго для православія. Побѣдная повѣсть отрицательно относится ко внѣшней практикѣ церкви, — святыя храмы приравниваетъ къ языческимъ капищамъ, отрицаетъ поклоненіе иконамъ и под. ²⁾. Другой критикъ Побѣдной повѣсти, архимандритъ Фотій, приписываетъ автору ея мнѣніе о имѣющемъ скоро послѣдовать пришествіи Сына Божія на землю и объ открытіи Имъ тысячелѣтнаго царства на землѣ ³⁾. Епископъ Филаретъ, старавшійся держаться въ сторонѣ и уклончиво среди борьбы направленій и потому способный болѣе другихъ оцѣнить внутреннія достоинства и недостатки изданной книги, и тотъ осуждалъ ее и видѣлъ въ ней много признаковъ протестантства, и это не смотря на то, что онъ находился въ короткихъ отношеніяхъ съ Лабзинымъ, издателемъ Побѣдной повѣсти ⁴⁾. По словамъ протоіерея Кочетова, „Побѣдная повѣсть есть толкованіе на Апокалипсисъ, но такое, въ которомъ неблагонамѣренный сочинитель употребляетъ слово Божіе только въ орудіе своихъ видовъ. Послѣдую должнымъ вычисленіямъ Бенгеля, онъ опредѣляетъ, въ противность Евангелію, не только положительную близость временъ, но и самый точный годъ (1836 г.) втораго пришествія Христова. О тысячелѣтіи говоритъ и пространно, и рѣшительно, какъ о вещи ему знакомой.....Лютера и Бенгеля

¹⁾ Дѣло архива с.-петербургскаго комитета духовной цензуры 1817 г., № 8.

²⁾ *Смирновъ Стефанъ*. Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей, 1858 г. книга IV.

³⁾ Житіе Иннокентія, составленное Фотіемъ.

⁴⁾ Сушковъ. 105—111.

почитаеть за первыхъ двухъ ангеловъ, упоминаемыхъ въ откровеніи Іоанна... Церковь восточная—греческая не есть святая и православная, но крайне поврежденная, ужасно развратившаяся и николаитская... Духъ Христовъ сохраняется и сохранится до конца міра только въ аіатирской т. е. богемо-моравской, гернгутерской братской церкви* ¹⁾.

Иннокентій возревновалъ противъ Побѣдной повѣсти и прямо называлъ ее противною православію. Другъ Иннокентія, практической Филареть, проще взглянулъ на дѣло и постарался его успокоить. Онъ между прочимъ увѣрялъ его, что книга Лабзина пропущена свѣтской цензурой и потому на духовной цензурѣ не лежитъ за нее никакой отвѣтственности. Затѣмъ Филареть основательно убѣждалъ своего друга, что онъ беретъ на себя такое великое дѣло спасенія церкви, которое не отвѣчаетъ его скромному положенію, что имъ, двумъ архимандритамъ, не пересоздать строй современной жизни церкви, что эта обязанность первѣе всего принадлежитъ представителямъ церкви, а не чадамъ ея. Иннокентій подъ вліяніемъ сильныхъ доводовъ Филарета успокоился, но—не надолго. Такое колебаніе его объясняется двумя совершенно противоположными вліяніями, подъ дѣйствіемъ которыхъ онъ всегда находился. Довѣрчивый, впечатлительный, искренній и ко всему этому больной Иннокентій то поддавался убѣжденіямъ Фотія и дѣйствовалъ горячо и рѣзко противъ мистиковъ, то склонялся предъ мудрыми, испытанными совѣтами Филарета и тогда дѣйствовалъ сдержанно съ умѣренностью и осторожностью. Но упорный Фотій систематически дѣйствовалъ на своего учителя и постоянно вызывалъ его на открытую борьбу и въ то-же время возбуждалъ въ Иннокентіѣ недоувѣріе къ самому Филарету.

Не мало вооружался Иннокентій и противъ другихъ мистическихъ изданій, какова напримѣръ „Божественная философія“ ²⁾.

¹⁾ „Христіанское Чтеніе“. 1872 годъ. Томъ I, стр. 703—704. Сравни. „Русск. Архивъ“. 1868 г. 1352—1354. Записка о крамолахъ враговъ Россіи.

²⁾ Сочиненіе Дю-Туа М. 1812. 2-е изданіе 1819 г. въ шести частяхъ. Противъ этого сочиненія возставалъ и Евст. Станевичъ. Бесѣда на гробѣ младенца о безсмертіи души, второе изданіе. С.-Петербургъ. 1825, 74.

Извѣстный ученый протоіерей Г. П. Павскій сдѣлалъ слѣдующую характеристику автора Божественной философіи: „Дю-Туа, по его словамъ, швейцарскій пасторъ, жившій въ концѣ прошедшаго столѣтія, державшійся сначала заблужденій, оставившій пасторство, чтобы ихъ не проповѣдывать, покушавшійся на жизнь свою, отъ сильнаго присутствія въ себѣ внутренняго свѣта находившій развлеченіе въ картахъ, прочитавшій всѣхъ мистическихъ писателей безъ разбора, при увлеченіи ученіемъ г-жи Гюнь—издавшій вновь съ великими трудами всѣ ея сочиненія, выдававшій себя за вдохновеннаго, за посланника Божія, подъ конецъ жизни чувствовавшій въ себѣ неодолимую потребность сообщить другимъ то, что въ необыкновенномъ обиліи получилъ будтобы отъ Бога“¹⁾).

Незадолго до назначенія своего въ епископа Иннокентій, какъ духовный цензоръ, получилъ на разсмотрѣніе книгу „систему философскую новѣйшаго времени“. „Слезъ не достанетъ, говорилъ онъ между прочимъ въ одной своей бесѣдѣ съ Фотіемъ, только что прочитавши эту книгу, у здравомыслящаго не только христіанина, но и у всякаго любознательнаго и добраго человѣка оплакивать раны, какія сія нечестивая философія можетъ сдѣлать въ умахъ и сердцахъ, если только будетъ читаема и преподаваема въ школахъ; мнѣ она прислана на разсмотрѣніе, дабы я одобрилъ оную въ ученыхъ мѣстахъ преподавать. Но какъ можно согласиться одобрить ее, когда она вся состоитъ изъ нездравыхъ и нечистыхъ мудрованій? И нынѣ не одна сія философія въ свѣтъ вышла, но тѣмъ темъ подобныхъ вредныхъ писаній являются со дня на день“.

Поклонники мистицизма дѣлали нѣсколько попытокъ къ тому, чтобы перетянуть на свою сторону Иннокентія, какъ человѣка извѣстнаго своимъ высокимъ просвѣщеніемъ и еще болѣе своею святою жизнію, но конечно попытки ихъ всегда оканчивались неудачею. Въ житіи Иннокентія Фотій помѣщаетъ слѣдующій разговоръ, который онъ, по его словамъ, слышалъ отъ Иннокентія. „Я былъ у нѣкихъ великихъ бояръ иностраннаго исповѣданія, такъ однажды рассказывалъ Фотію Иннокентій, — бесѣдовалъ я съ ними о вѣрѣ

¹⁾ «Христіанское Чтеніе». 1872 г. Томъ I, стр. 707.

много: и они мнѣ предлагали о соединеніи всѣхъ церквей и всѣхъ вѣрѣ во едино и особенно сказывали возможность прежде всего соединить лютеранское исповѣданіе съ восточнымъ, греко-россійскимъ: сказывали же и образъ вѣры новья, коимъ можно соединить всѣхъ тѣхъ и другихъ во едино исповѣданіе. Видя и слыша лукавство сихъ князей, дѣйство сатанино въ сердцахъ ихъ, я отказался отъ собесѣдованія съ ними навсегда. Дивно, что уже во дни сія есть слуги и лукавые духи въ нихъ же тайна беззаконія дѣется, слышущая за святость нынѣ подъ видомъ очищенной религіи и вновь рождающейся церкви. Въ бесѣдахъ, въ книгахъ, въ обществахъ новыхъ временъ говорится и читается о какой-то новой вѣрѣ, новомъ ученіи, новыхъ тайнахъ, новой церкви, о новомъ царствіи духовномъ, о новой святости, о новомъ чаяніи, и о какой-то новой истинной любви, о чемъ во откровеніи совершенно умолчано. Ахъ, брате! едва-ли то все новое, откровеніемъ умолчанное, не есть явнымъ признакомъ тайны беззаконія и духа антихристова“ ¹⁾). Трудно опредѣлить степень исторической достовѣрности сообщаемого Фотіемъ разсказа.

Въ то время, когда Иннокентій находился въ состояніи колебанія и нерѣшительности относительно выступленія на открытую борьбу съ мистицизмомъ, послѣдняя начата была другимъ лицомъ. То былъ Стефанъ Смирновъ, переводчикъ московской медицинской академіи ²⁾). 17 августа 1816 г. Смирновъ подалъ Императору

¹⁾ Житіе Иннокентія, составленное Фотіемъ.

²⁾ Любопытенъ отзывъ Фотія о Смирновѣ. «Чиповникъ Стефанъ Смирновъ, говоритъ онъ о немъ въ своей автобіографіи, многія книги писалъ противу зловѣрія: дѣлалъ анологіи и разсылалъ, на многія вышедшія книги еретическія написалъ опроверженія и обличенія заблудшимъ, посланія его многія читалъ и кромѣ его толкованій нѣкоторыхъ иныхъ разительны его обличенія разумны: имѣютъ силу и убѣдительность. Сей ревнитель, поборникъ церкви, терпѣлъ гоненія многія, слышно было, что не имѣетъ даже мѣста нигдѣ ему приличнаго для службы, онъ съ семействомъ питается милостынею православныхъ. Стефанъ Смирновъ столь неутомимъ былъ въ написаніи книгъ и опроверженій противу сектъ и книгъ безбожныхъ и еретическихъ, что у него великія и многія книги написаны собственноручно». Ему помогала извѣстная почитательница Фотія графиня А. А. Орлова. Автобіографія, книга II, глава послѣдняя. Отзывъ Фотія о Смирновѣ страдаетъ преувеличеніями. Литератур-

Александрѣ I письмо, въ которомъ вооружался противъ появленія въ Россіи мистическихъ книгъ, въ коихъ доносчикъ видѣлъ отступничество отъ православія и серьезную опасность даже для государства ¹⁾. Доносъ Смирнова, на нѣкоторое время оставшійся безъ послѣдствій, при соединеніи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами и вызвалъ Иннокентія на болѣе рѣшительный образъ дѣйствій противъ мистиковъ.

У Иннокентія произошло столкновение съ извѣстнымъ мистикомъ Лабзинимъ. Послѣ прекращенія „Сіонскаго Вѣстника“ въ 1806 г. Лабзинъ занимался переводомъ и распространеніемъ мистическихъ сочиненій, которыя онъ и издавалъ, не объявляя своего имени. Князь Голицынъ все болѣе и болѣе примыкалъ къ кругу послѣдователей мистики съ Лабзинимъ во главѣ. 12 декабря 1816 г. по ходатайству Голицына государь пожаловалъ Лабзину орденъ Владиміра 2 степени „за изданіе на отечественномъ языкѣ духовныхъ книгъ“ ²⁾. Высочайшая милость ободрила Лабзина и онъ началъ помогать возобновенію своего мистическаго журнала. Въ 1817 году дѣйствительно Лабзину Высочайше повелѣно было снова издавать „Сіонскій Вѣстникъ“ на прежнихъ основаніяхъ — съ подчиненіемъ его свѣтской цензурѣ.

Иннокентій въ началѣ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Лабзинимъ и уважалъ его за его искреннее религіозное чувство. Но увлеченія Лабзина мистикомъ поселили холодность между нимъ и Иннокентіемъ. „Сколько прекрасныхъ вещей, говорили Лабзину иногда вмѣстѣ Филаретъ и Иннокентій, которыя бы можно было печатать съ пользою для многихъ, не касаясь этихъ (т. е. мистическихъ) особенностей“ ³⁾? Эти слова Иннокентія и Филарета отно-

ный талантъ и заслуги Смирнова были *слишкомъ слабы*, какъ увидимъ ниже, для того чтобы ему можно было расточать панегирики. Изъ переводовъ Смирнова извѣстны: «Иудейскія письма къ Вольтеру». Филаретъ черниговскій. Обзоръ, кн. II, 238—239. 2-е изд. Сравн. записки А. Стурдзы. «Русск. Старина» 1876 г. Февраль.

¹⁾ Напечатано въ чтеніяхъ общества истор. и древн. 1853 года, книга IV, 139—142.

²⁾ «Русскій Архивъ» 1866 г. 817—837. 853.

³⁾ Изъ воспоминаній митрополита Филарета. «Православное Обзоріе». 1868 г. № 8.

сились къ первымъ выпускамъ „Сіонскаго Вѣстника“ до 1806 г. Но чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе Лабзинъ погружался въ мистическія бредни и оказался нечувствительнымъ къ убѣжденіямъ другихъ людей болѣе съ здоровыми религіозными воззрѣніями. Иннокентій дѣлалъ нѣсколько попытокъ къ исправленію Лабзина, но всѣ онѣ оказались не только безуспѣшными, но даже въ концѣ концовъ разразились несчастіями для самого исправителя чужихъ увлеченій.

Какъ уже извѣстно, архимандритъ Иннокентій сильно вооружался противъ „Побѣдной повѣсти“ Юнга Штидлица и прямо объявлялъ ее противною православію, что, какъ видно изъ вышеприведенныхъ отзывовъ современниковъ, было совершенною истиною. „Въ символѣ вѣры исповѣдуемъ: и пакы грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его-же царствію не будетъ конца, такъ разсуждалъ однажды Иннокентій по поводу выхода въ свѣтъ „Побѣдной повѣсти“ въ уединенной бесѣдѣ съ однимъ изъ своихъ друзей (Фотіемъ), а въ Побѣдной повѣсти вѣщается, что аки бо еще грядетъ Господь царствовать на тысящу лѣтъ на земли. Въ писаніи речеса: что о днѣ и часѣ, о временахъ и лѣтахъ никто-же вѣсть, ни ангели небесніи, а въ побѣдной повѣсти ленечетъ духъ демона, что аки-бы грядетъ въ 1836 году“ 1).

Иннокентій „возревновалъ“ противъ переводчика Побѣдной повѣсти и рѣшилъ съ своей стороны сдѣлать попытку къ тому, чтобы по крайней мѣрѣ предупредить появленіе въ свѣтъ другихъ подобнаго рода сочиненій. Для того, чтобы пріостановить дѣятельность Лабзина по изданію мистическихъ сочиненій, онъ обратился къ мѣрамъ нравственнаго воздѣйствія на рьянаго поклонника мистцизма. Но эти мѣры оказались безплодными. Иннокентій, по словамъ житія, составленнаго Фотіемъ, „старая ревностію по Бозѣ Вседержителѣ, послалъ іерея возвѣстить сему ересіарху (Лабзину) покаяніе, говоря тако: иди и рцы Лабзину: престани отъ злыхъ твоихъ начинаній, покайся, аще ли преслушаешь слово мое, вскорѣ прійдетъ на тебя гнѣвъ Божій и поразитъ тя Господь Богъ, доп-

1) Житіе Иннокентія, составленное Фотіемъ.

деже погубить тя“. Лабзинъ и не думалъ исправляться и на слова нравственныхъ угрозъ Иннокентія отвѣчалъ съ дерзостью и фанатическимъ увлеченіемъ: „кто есть Иннокентій и вси съ нимъ? Они и во ученики мнѣ не годятся“¹⁾. „И вотъ порази его Госнодь Богъ изступленіемъ ума и бѣжалъ погрязнуть въ воду, но былъ спасенъ руками своихъ“. Лабзинъ не только не обратилъ вниманія на увѣщанія, но даже сталъ домогаться права возобновленія изданія своего Сіонскаго Вѣстника и, какъ извѣстно, получилъ его въ 1816 году. Иннокентій на домогательство Лабзина объ изданіи Сіонскаго Вѣстника отвѣчалъ ему новыми нравственными угрозами еще болѣе рѣшительнаго характера, которыя и теперь не достигли своей цѣли. Иннокентій по словамъ житія, составленнаго Фотіемъ, поручилъ одному изъ родственниковъ Лабзина передать ему отъ своего имени слѣдующее внушеніе: „аще не обратишия отъ грѣховъ своихъ, поразитъ тя Госнодь Богъ неистовствомъ и слѣпотою и изступленіемъ ума и будещи осязай въ полудни, якоже осязаетъ слѣпый во тьмѣ, и не исправиши путей и будещи въ гадапіе и притчу и повѣсть во всѣхъ языкѣхъ, и прійдутъ на тя вся клятвы сія, и пожепуть тя, и постигнутъ тя дондеже погубятъ тя и дождеже потребятъ тя, *яко не послушалъ еси гласа Господа Бога твоего*. По семъ видя Богъ, яко отступи отъ Него сердцемъ, предалъ его духу печали, и нападе на него духъ лютъ, муча его, повергая долу, бія и сотрясая“. Представленный рассказъ Фотія о двухъ проклятїяхъ, какія послалъ Иннокентій Лабзину, едва-ли соотвѣтствуетъ исторической истинѣ, или во всякомъ слу-

¹⁾ А. Ф. Лабзинъ вообще былъ очень способенъ на выходки. Вотъ одна изъ нихъ, кончившаяся для него ссылкой въ Симбирскъ. Президентъ академіи художествъ Оленинъ предложилъ въ одномъ общемъ собраніи академіи о баллотированіи въ почетные любители — члены академіи: Аракчеева, Гурьева и Кочубея. На вопросъ конференцъ-секретаря (т. е. Лабзина), что отличнаго въ этихъ лицахъ и чѣмъ они могутъ быть полезны академіи и искусствамъ, представляя на видъ, что по положенію только такіе баллотированы въ почетные члены, которые имѣютъ или музеи, или извѣстны особенною любовію къ искусствамъ, президентъ отвѣчалъ, что эти лица близкіе государю.

— „А когда такъ, то всѣхъ ближе къ государю Илья кучеръ, да и сидеть къ его величеству спиною“. Воспоминанія А. Л. Витберга, «Русск. Старина» 1872 г., томъ V. Сравни. «Русск. Старину» 1875 г. Октябрь.

чаѣ страдаетъ крайними преувеличеніями. Иннокентій по своему характеру не могъ передавать такихъ грозныхъ уже чисто пророческихъ обличеній, да еще при томъ черезъ родственниковъ самого Лабзина. А потомъ,—въ словахъ Иннокентія, какія приписываетъ ему Фотій, онъ выступаетъ отчетливо какъ выразитель особаго повелѣнія Божія, какъ святой мужъ, предвѣщающій будущее, чего никакъ не могъ приписать себѣ самъ Иннокентій. Вѣрнѣ всего тонъ проклятій Иннокентія, какъ называетъ его нравственные совѣты Фотій, приданъ самимъ авторомъ житія Иннокентія тѣмъ болѣе, что этотъ тонъ вполне въ духѣ всей дѣятельности самого Фотія. Изъ разсказа Фотія о проклятіяхъ Иннокентія, обращенныхъ имъ къ Лабзину, можно съ достовѣрностію допустить только тотъ одинъ выводъ, что Иннокентій дѣйствительно не разъ пытался мѣрами нравственнаго убѣжденія исправить увлеченія Лабзина и навести его на болѣе вѣрный путь религіознаго сознанія. Лабзинъ остался не преклоненъ предъ убѣжденіями Иннокентія.

Между тѣмъ Смирновъ, открывшій борьбу съ мистиками подачею доноса Императору Александру, велъ ее своимъ порядкомъ. Возмущенный до глубины души крайнимъ протестантско-мистическимъ духомъ и враждою къ православной церкви „Побѣдной повѣсти“, Смирновъ рѣшился критически разобрать ее и въ отвѣтъ на нее составилъ особое сочиненіе подъ названіемъ: „Вопль жены, облеченной въ солнце“¹⁾. Возраженіе Смирнова на книгу „Побѣдная повѣсть“ представлено было на разсмотрѣніе с.-петербургскаго комитета духовной цензуры. Иннокентій, разсматривавшій рукопись Смирнова, хотѣлъ было пропустить ее къ печати, но Филаретъ удержалъ его изъ вполне основательнаго опасенія, „чтобы не произвести напраснаго волненія“. Митрополитъ Михаилъ согласился съ практическими соображеніями Филарета и также далъ совѣтъ Иннокентію не выпускать въ свѣтъ книгу Смирнова, такъ по крайней мѣрѣ представляеть дѣло самъ Филаретъ²⁾. Такимъ

¹⁾ Рукописи императорской публичной бібліотеки, отдѣленіе I, Q. №№ 750 и 465, в отд. I, F. № 458.

²⁾ Изъ воспомнаній митрополита Филарета. «Православное Обзорніе», 1868 года, № 8, 524—525. Сушновъ. Записки о жизни митрополита Филарета, 110—115.

образомъ возраженіе Смирнова осталось навсегда въ рукописи. По этому Фотій былъ съ своей точки зрѣнія совершенно правъ, когда въ своей автобіографіи неоднократно высказывалъ свои жалобы на то, что Иннокентій безмолвствовалъ предъ врагами церкви ¹⁾).

Относительно „Вопля жены“ соч. Смирнова слѣдуетъ сказать, что авторъ его не обнаружилъ въ немъ ни большаго критическаго таланта, ни даже приличія. Такъ какъ это сочиненіе до сихъ поръ осталось въ рукописи и мало кому извѣстно его содержаніе, то, думается, будетъ не излишнимъ ознакомить читателей съ содержаніемъ этого, во всякомъ случаѣ любопытнаго литературнаго памятника борьбы съ мистицизмомъ. Изученіе его имѣетъ значеніе и для нашего предмета, такъ какъ оно яснѣе всего покажетъ намъ, кто былъ болѣе правъ: Филаретъ ли, совѣтовавшій не пропускать сочиненіе Смирнова, или же Иннокентій, хотѣвшій сначала одобрить его къ печатанію.

„Вопль жены“ — очень объемистое сочиненіе. Авторъ ему предпосылаетъ введеніе, въ которомъ высказываетъ свой взглядъ на сочиненіе Штилинга: „Побѣдную повѣсть“ и на побужденія, заставившія его взяться за литературный трудъ полемиста. Смирновъ „Побѣдную повѣсть“ разсматриваетъ какъ открытое „поруганіе“ православной церкви. О побужденіяхъ подавшихъ поводъ къ полемикѣ, онъ говоритъ: „знаю, что многіе благочестивые мои единовѣрцы не укоснятъ противопоставить дѣйствительнѣйшіе оплоты шумящему потоку нечестія, да будутъ благословенны подвиги ихъ! Но сіе не препятствуетъ и мнѣ по долгу совѣсти моей сообщить моимъ соотечественникамъ и мои благонамѣренныя чувствованія! И я также сынъ православныя грекороссійскія церкви, и я повергаю мой камень на еретика, поносящаго святыню нашу...“ ²⁾).

¹⁾ Автобіографія, книга II, 25, 29.

²⁾ Во многихъ мѣстахъ сочиненія Смирнова разбросаны жалобы на распространеніе нечестія въ современномъ обществѣ. «Возлюбленные сыны православныя грекороссійскія вѣры, пишетъ авторъ „Вопля“ въ одномъ мѣстѣ, намъ предопредѣлено было дожить до плачевнаго разсвѣта тѣхъ пагубныхъ временъ въ кои какъ бы возстали всѣ ереси, терзавшія первобытную церковь нашу, но потомъ низложенныя и поправныя... Теперь, продолжаетъ Смирновъ, въ современномъ обществѣ замѣчается «совершенное отступленіе отъ вѣры, иска-

Полемическое сочиненіе Смирнова отличается крайнимъ раздраженіемъ и въ тоже время слабостью аргументаціи. Въмѣсто дѣйствительнаго, строго научнаго разбора, основаннаго на историческихъ и богословскихъ данныхъ, въ трудѣ Смирнова мы на каждомъ шагѣ встрѣчаемся съ безсодержательнымъ наборомъ фразъ, съ риторическими словоизверженіями, иногда приправленными еще довольно безцеремонною бранью. То, что сколько нибудь напоминаетъ о научномъ разборѣ книги, то все у него спесено подъ строку, въ видѣ дополнительныхъ примѣчаній, а текстъ наполненъ наборомъ трескучихъ фразъ съ широкими общаніями и съ слишкомъ слабымъ ихъ исполненіемъ.

Изъ недостатковъ, которыми обилуютъ критическіе приемы автора „Воцля“, прежде всего бросаются въ глаза его придирки къ словамъ, которыя часто берутся имъ отрывочно и комментируются въ томъ смыслѣ, какой едва ли придавалъ имъ авторъ „Побѣдной повѣсти“ и ея переводчикъ ¹⁾). Иногда придирки критика сопровождаются колкими пасмѣшками. Въ предисловіи къ своей „Побѣдной повѣсти“ Штилингъ указалъ какъ на главный поводъ, который вызвалъ его взяться за такой трудъ, на тѣ важныя происшествія, которыя тѣсно связаны съ извѣстною французскою революціею. При этомъ Штилингъ пустился въ объясненіе нѣкоторыхъ событій и указалъ между прочимъ на то, что во Франціи во время самаго сильнаго разлива революціоннаго движенія нѣкоторые для безопасности носили якобинскія шапки, тогда какъ находились и такіе, которые якобинскую шапку считали печатію антихриста. Критикъ „Побѣдной повѣсти“ по этому поводу пишетъ:

женіе духа христіанства превратными толкованіями, водруженіе знаменія нечестивыхъ въ самомъ сердцѣ благочестія, зауствнїе истиннаго смысла въ самыхъ свѣтлѣйшихъ истинахъ... Распространяется уже гладь слова Божія, зловонный потокъ клокочетъ уже въ вавилонскихъ пещажъ, седмерицею разженныхъ. Сюда неоспоримо относится Побѣдная повѣсть и другія подобныя сочиненія, искажающія духъ христіанства».

¹⁾ Штилингъ напрямѣръ въ одномъ мѣстѣ говоритъ: «умъ человѣчскій запутывается въ изысканія такихъ вещей, кои пзумляли св. Іоанна». Его критикъ по этому поводу пишетъ: «жалкій и гордый софистъ, смирись! На что же и смотришь ты на вселенную, когда не понимаешь, какъ она создана, гдѣ предѣлъ міровъ и прочія ея таинства.»

„многотрудный подвижникъ, сколько ему надлежало молиться о приобрѣтеніи пророчесвеннаго озаренія! Потомъ, какого стоило труда писать пространную книгу—и это для того только, чтобъ увѣрить простенькихъ людей или глупцовъ, что якобинская шапка не есть печать антихристова“!

Натяжки, къ какимъ позволяетъ себѣ прибѣгать критикъ „Побѣдной повѣсти“, не менѣе заслуживаютъ вниманія по своей крайности и оригинальности. При объясненіи нѣкоторыхъ мѣстъ апокалипсиса Штилингъ указалъ на то, что церкви Христовой на землѣ предстоятъ въ будущемъ нѣкоторыя бурныя и разительныя перемѣны. Авторъ „Воля“ постарался расширить эту мысль, привязавъ ее къ политическимъ движеніямъ, что въ концѣ концовъ дало ему возможность обвинить своего противника въ томъ, что онъ есть „потанный революціонистъ, и не послѣдній производитель онаго пагубнаго плана, содержамаго въ нѣкоторыхъ тайныхъ обществахъ, плана о смѣшеніи всѣхъ вѣръ въ одну, или о истребленіи всякаго вѣрованія, и о составленіи универсальной монархіи, или о учрежденіи всеобщаго безначалія и неограниченной независимости. Штилингъ, извѣщающій государственныхъ бунтовщиковъ, имѣетъ тайную связь съ какою-нибудь тайною партією, злоумышляющею революцію и разсѣянною по христіанскимъ державамъ“.

Въ введеніи къ „Побѣдной повѣсти“ Штилингъ между прочимъ помѣстилъ просьбу къ своимъ читателямъ объ увѣдомленіи его о замѣченныхъ ими въ его твореніи нецѣлостностяхъ. Смирновъ истолковалъ себѣ просьбу Штилинга въ смыслѣ призыва его, обращеннаго имъ къ своимъ единомышленникамъ, къ выпуску въ свѣтъ новыхъ, одинаковаго съ „Побѣдною повѣстью“ направленія, сочиненій. Такое пониманіе просьбы Штилинга дало поводъ Смирнову къ слѣдующему разсужденію. „Хотя мы не одарены пророчесвеннымъ свѣтомъ, но понимаемъ таинственную политику твою, пророче, и разумѣваемъ, что ты *коренный придворный темной области, постыдливый въ пронырствахъ!* Ты слишкомъ уже простенькими считаешь своихъ читателей. Ежели Штилингу удалось свое незаконное изчадіе вывести въ свѣтъ, то по крайней мѣрѣ

прочимъ порожденіямъ эхиднинымъ его единомыслениковъ не позволять уже своимъ дыханіемъ заражать духъ публики и потрясать господствующія вѣроисовѣданія народовъ“.

Нѣкоторыя изъ опроверженій Смирнова являются просто смѣшными. По поводу высказанной Штилингомъ мысли о возможности спасенія и для демоновъ его критикъ замѣтилъ: „Итакъ вздыхайте, г. Штилингъ, что ходатайство ваше о демонахъ остается недѣйствительнымъ“!

Сосредоточиваясь болѣе на риторикѣ, авторъ „Воля“ менѣе надлежащаго останавливается на самыхъ выдающихся недостаткахъ и неправильныхъ взглядахъ сочинителя „Побѣдной повѣсти“. Извѣстно, что авторъ „Побѣдной повѣсти“ греческую православную церковь за ея крайнюю приверженность къ обрядамъ называлъ николаитскою, даже языческою. Критикъ „Побѣдной повѣсти“ вмѣсто строго научнаго разбора такого произвольнаго взгляда разразился здѣсь длиннымъ воззваніемъ къ православнымъ. „Православные грекороссійскія церкви, писалъ Смирновъ, благоговѣйные посѣтители храмовъ вашихъ, усердные читатели святыхъ храмовъ и св. иконъ, блаженные хранители нетлѣнныхъ остатковъ мужей, просіявшихъ среди васъ вѣрою и благочестіемъ, сихъ драгоценныхъ залоговъ видимаго Божія подтвержденія святости и непорочности вашего вѣрованія, богоизбранные преемники первенствующаго христіанскаго свѣтила! Будете ли равнодушно слышать толико поношеніе вашей святыни? Знаю, какая смертная горестъ пронзаетъ сердце ваше, знаю, какое справедливое негодованіе наполняетъ душу вашу. Вы чувствуете, что нечестивый Штилингъ стремится къ испроверженію олтареи Господнихъ, къ истребленію всѣхъ священныхъ памятниковъ“ ... Штилингъ, а можетъ быть скорѣе всего переводчикъ его сочиненія, вообще мало касался въ „Побѣдной повѣсти“ непосредственно греческой и, восточной церкви. „Это есть, по словамъ автора „Воля“, адская ухватка, чтобъ такимъ глубокимъ объ ней молчаніемъ дать вѣсь клеветамъ своимъ противъ оныя. Посмотрите, г. Штилингъ, какъ усиѣваетъ ваша хитрость. Вы думали, судя по деньгамъ, какія вы выручаете у насъ за вашъ Угрозы свѣтостоковъ, что мы васъ уже считаемъ праведникомъ и оракуломъ? Но посмотрите же.

какъ усгѣваетъ ваша хитрость. Едва ваша „Побѣдная повѣсть“ дала намъ почувствовать смрадную и заразительную свою внутренность, то наперерывъ полетѣли отъ насъ проклятія на лжепророческую главу деиста, революціониста, иконоборца и поддержателя всѣхъ ересей, преданныхъ на вселенскихъ соборахъ анаемѣ“.

Заслуживаетъ вниманія отношеніе Смирнова къ католичеству. Задавшись цѣлю защищать православіе, онъ такъ вошелъ во вкусъ своей полемики, что началъ защитительную рѣчь и въ пользу католичества и даже въ пользу самихъ отцовъ іезуитовъ. Штилингъ при объясненіи того мѣста апокалипсиса, гдѣ говорится о звѣрѣ, изшедшемъ изъ моря, символическое значеніе его пріурочиваетъ къ папству, заявившему свое крайнее властолюбіе. Критикъ „Побѣдной повѣсти“ возсталъ, хотя и не совсѣмъ удачно, на защиту папства ¹⁾.

Въ концѣ длиннаго разбора „Побѣдной повѣсти“ авторъ Воиля представляетъ характеристику современнаго противоцерковнаго движенія въ Россіи, обобщая его подъ названіемъ франкъ-масонства или иллюминатства. „Люди, составляющіе сіе общество, по свидѣтельству Смирнова, во внѣшнемъ со свѣтомъ обращеніи, въ виду открытомъ, суть существа добродѣтельныя, чувствительныя, правдолюбныя, но во внутреннемъ къ свѣту отношеніи во тьмѣ тайныхъ дѣйствій и вліяній своихъ въ природѣ правилъ своихъ суть клятвенные враги всякаго добра, безжалостные терзатели жертвъ, поднавшихъ ихъ мщенію, убійцы, попутатели всѣхъ законовъ, отступники отъ всякаго вѣрованія, по лицемѣрію однимъ только де-

¹⁾ Папы никогда не стремились къ обладанію вселенной, писалъ Смирновъ, ихъ властолюбіе не простиралось далѣе державъ католическихъ и то относительно духовнаго управленія. Нѣкоторые изъ нихъ требовали правда отъ царей католическихъ такого почтенія, которое было чрезмѣрно и предосудительно, но никогда папы не требовали, чтобы цари отказались отъ престоловъ и передали царство свое имъ. Самые даже нѣкоторыми папами присоединенія къ церковной области были частнымъ порывомъ властолюбія, но не общимъ духомъ и системою папства... Пусть Штилингъ обличить іезуитовъ, чтобы они взбунтовали гдѣ-либо какое-либо общество, которое бы, по ихъ внушенію, отложило отъ покорности своему начальству? Обращенныхъ іезуитами много, но нѣтъ примѣра, чтобы іезуиты повергали между народами смена возмущеній или революцій?

монамъ свойственному, въ христіанскихъ храмахъ со всею наружною набожною повергаются предъ крестомъ и даже въ собственныхъ собраніяхъ украшаются имъ въ виду сочленовъ своихъ, непосвященныхъ еще во всю тьму таинствъ ихъ...

Общественное обольщеніе производится изданіемъ въ свѣтъ книгъ, имѣющихъ въ себѣ всѣ черты мудрости, духовности и чистоты христіанской. Змій столь лукаво соблюдаетъ подобіе агвче, что иногда цѣлые томы довольствуются запечатлѣть однимъ только какимъ либо природнымъ словомъ своимъ. Зараженный очаровательнымъ ядомъ въ ихъ книгахъ рѣдко ускользаетъ отъ ихъ вѣдѣнія. Пагубная ловитва имѣетъ свое учрежденіе, члены даютъ отчетъ обществу объ отзывѣ и мнѣніяхъ, какія они собрали на счетъ хитрости пущенной для ловитвы; владѣлецъ дома отвѣтствуетъ за своихъ живущихъ, начальникъ за подчиненнаго и наоборотъ. Такимъ образомъ тотчасъ познается отравленный дыханіемъ змія и немедленно объявляется, что сочинитель небесной книги есть членъ такого-то общества. Между сими распусдителями стада Христова есть члены съ намѣреніемъ образованные—къ прельщенію избранныхъ такимъ особливымъ образомъ, что ихъ наружная и нѣкоторымъ образомъ внутренняя жизнь постоянно служить *овчею* одеждою общества. Сими-то съ перваго взгляда плѣняются самые избранные Божіи, поступки и дѣянія ихъ безъ укоризны. Черты ихъ суть: излишнее упованіе на милосердіе Божіе, отрицаніе вѣчности мученія, такая духовность, которая ослабляетъ необходимо существованіе таинствъ, яко видовъ наружныхъ, такое понятіе о внутреннемъ богослуженіи, которое отлучаетъ впѣшнее богослуженіе, сїи признавая себя истинными помазанниками Духа Божія лжепророцы вопіють на стогнахъ и кровляхъ... Надобно предполагать, что главные производители сей тайны беззаконія имѣютъ личную связь съ діаволомъ. Нѣкоторымъ случалось слышать отъ принадлежащихъ къ обществу, что они знаютъ людей, сообщающихся съ духами, конечно уже не съ добрыми¹⁾...

Должно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Смир-

¹⁾ Рукоп. импер. пуб. биб. Q. 1. № 750.

новъ составилъ свой „Воцль“ противъ несогласнаго съ ученіемъ православной вѣры направленія „Побѣдной повѣсти“ Штилинга, — чловѣка совсѣмъ и не принадлежавнаго къ православной церкви. Странно было-бы въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы Штилингъ, *лютеранинъ* по вѣроисповѣданію, сталъ проводить въ своемъ сочиненіи то ученіе, тѣ взгляды, какіе содержитъ *православная* церковь. Очевидно само собою, что Смирновъ, бросая громъ и молніи противъ Штилинга, направлялъ ихъ по адресу не автора „Побѣдной повѣсти“, а переводчика и издателя ея А. Ѳ. Лабзина. Но такъ какъ послѣдній пользовался уваженіемъ и покровительствомъ высшей власти, то его противникъ и умолчалъ о немъ въ направленномъ всецѣло противъ него сочиненіи. Во всемъ „Воцль“ только одинъ разъ, и то въ примѣчаніи, встрѣчается указаніе на переводчика, но и здѣсь критикъ „Побѣдной повѣсти“ постарался отклонить отъ себя всякіе съ нимъ непосредственные счеты, замѣтивъ, что онъ не имѣетъ чести лично знать переводчика“.

Представленная краткая характеристика сочиненія Смирнова „Воцль жены, облеченной въ солнце“ говоритъ далеко не въ пользу своего автора. Если смотрѣть на дѣло *только* съ строго цензурной точки зрѣнія, и еще частнѣе съ точки зрѣнія цензуры духовной, назначеніе которой состоитъ въ предупрежденіи появленія въ печати сочиненій, противныхъ ученію православной церкви, то Иннокентій былъ правъ, признавая сочиненіе Смирнова допустимымъ къ печати. Но если взять во вниманіе научно-богословское достоинство труда Смирнова, то безспорно окажется болѣе правымъ Филаретъ, пріостановившій выходъ въ свѣтъ такъ плохо составленной книги. „Воцль“ Смирнова не принесъ бы прямой положительной пользы православной церкви и тѣмъ болѣе не убѣдилъ бы мистиковъ, которые въ немъ могли бы найти для себя обильный источникъ для насмѣшекъ. Замѣчательно и то, что содержаніе и тонъ полемики Смирнова много сходны съ полемикою архимандрита Фотія. Намѣреваясь допустить къ печати такую книгу, какъ книга Смирнова, Иннокентій, въ богословской компетентности котораго не можетъ быть никакихъ сомнѣній, конечно зналъ ея слабыя стороны, и если тѣмъ не менѣе хотѣлъ было про-

пустить ее, то это, кажется, онъ хотѣлъ сдѣлать не болѣе, какъ въ угоду своему ученику и другу Фотію.

Лабзинъ хорошо зналъ то впечатлѣніе, какое произвелъ въ средѣ строго-православныхъ людей его переводъ „Побѣдной повѣсти“. Зналъ онъ и о возраженіи на него Смирнова и о нѣкоторыхъ изъ тѣхъ обвиненій, которыя представлены были Смирновымъ въ его книгѣ. Лабзинъ рѣшился защищаться и все на томъ же литературномъ поприщѣ. Въ 1816 г., вскорѣ послѣ выпуска въ свѣтъ „Побѣдной повѣсти“, онъ издалъ свой новый переводъ подъ заглавіемъ: „Жизнь Генриха Штилинга“ ¹⁾. Въ предисловіи къ этой книгѣ Лабзинъ защищалъ искреннее благочестіе Штилинга, заслужившаго за это уваженіе даже самихъ государей. и опровергалъ мнѣнія тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые приписывали не только Генриху Штилингу, но и самому переводчику намѣреніе повредить православной церкви. Здѣсь такимъ образомъ выступаетъ предъ нами довольно любопытное явленіе: сильные, могущественные своимъ вліяніемъ въ обществѣ, пріобрѣвшіе довѣріе высшей государственной власти, мистики свободно издавали свои творенія и открыто высказывали свои мнѣнія. Но эти же самые мистики являлись фанатиками, иногда очень жестокими, по отношенію къ противникамъ своихъ мнѣній, запрещали выходившія изъ подъ ихъ пера возраженія, или даже дѣлали невозможнымъ самое появленіе ихъ на свѣтъ Божій. Очевидно, многіе противники мистицизма должны были только молчать въ виду тѣхъ тяжелыхъ преслѣдованій, какія обрушивались на нихъ со стороны враговъ. Понятно также и то, что внѣшнія административныя запрещенія, какимъ подвергались всякія нападki на мистиковъ, вызывали сильное раздраженіе и недовольство въ средѣ, во всякомъ случаѣ многочисленной, людей не причастныхъ мистикѣ. Раздраженіе, сначала глухое и робкое, подъ напыломъ внѣшнихъ репрессивныхъ мѣръ все росло и росло, усиливалось и усиливалось, пока наконецъ не воплотилось въ открытую борьбу, съ теченіемъ времени погубив-

¹⁾ С.-Петербургъ. 1816 годъ, двѣ части.

шую мистическое направлѣніе, но стоявшую не малыхъ жертвъ и для людей съ строго-православными воззрѣніями.

Получивъ вновь право издавать „Сіонскій Вѣстникъ“, Лабзинъ все болѣе и болѣе погружался въ мистическій туманъ. Книжки „Сіонскаго Вѣстника“ продолжали плодить любителей мистицизма. Заявившій уже свою неаппетитность къ мистицизму Смирновъ не оставилъ безъ вниманія и новыхъ книжекъ „Сіонскаго Вѣстника“, онъ приготовилъ критическій разборъ болѣе вредныхъ статей возобновившагося мистическаго журнала.

Въ средѣ противниковъ Голицынскаго направлѣнія находился и извѣстный своимъ строгимъ благочестіемъ князь Ширинскій-Шихматовъ (впослѣдствіи внокъ Аникита) ¹⁾. Онъ обратился къ А. С. Стурдзѣ и поручилъ ему написать разборъ вышедшихъ мистическихъ книгъ. Стурдза дѣятельно взялся за порученіе и написалъ цѣлый обвинительный актъ противъ переводовъ Лабзина: „Таинство креста“ и „Побѣдная повѣсть“.

Такимъ образомъ враги мистицизма начали заявлять о себѣ все яснѣе и яснѣе ²⁾. Съ своей стороны и Иннокентій, не разъ употреблявшій нравственныя мѣры къ тому, чтобы Лабзинъ отказался отъ возобновленія своего журнала, крайне возмущался мистическимъ характеромъ послѣдняго и наконецъ дошелъ до того, что рѣшился на очень смѣлый поступокъ. Онъ написалъ къ князю Голицыну, какъ покровителю Лабзина и всѣхъ мистиковъ, письмо, въ которомъ между прочимъ говорилъ: „вы нанесли рану церкви, вы и уврачуйте ее“. Князь Голицынъ возмущенъ былъ письмомъ Иннокентія, пріѣхалъ съ нимъ къ митрополиту Михаилу и, показывая ему письмо Иннокентія, говорилъ: „вотъ что пишетъ вашъ архимандритъ“. Митрополитъ призвалъ къ себѣ Иннокентія. Тотъ на замѣчанія митрополита отвѣчалъ, что *онъ дѣйствуетъ по со-*

¹⁾ О князѣ Шихматовѣ смотр. особую книгу: «О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, въ мѣръ князя Сергѣя Александровича Шихматова». 1838 г. Отзывъ о глубокой религіозности Ширинскаго-Шихматова смотр. въ воспоминаніяхъ адмирала Зеленаго. «Русск. Старина» на 1873 г. октябрь, 89—93 стр. Филаретъ Чернигов. Обзоръ дух. литературы, ч. II. 230—231.

²⁾ Изъ записокъ А. Стурдзы. «Русская Старина». 1876. Февраль. 273—275.

знанію справедливости. Митрополитъ успѣлъ однакожь увѣрить его, что нужно особенное призваніе для такого рѣшительнаго дѣйствія и заставилъ его сѣздить къ князю Голицыну съ извиненіемъ ¹⁾. Конечно вмѣстѣ съ извиненіемъ Иннокентій нисколько не измѣнилъ своихъ убѣжденій и только на время склонился предъ сильными убѣжденіями митрополита, къ которому онъ такъ былъ расположенъ, и предъ массою послѣдствій гнѣва князя Голицына. Зная характеръ Иннокентія, трудно допустить, чтобы онъ на такой рѣзкій образъ дѣйствій относительно князя Голицына рѣшился исключительно самъ по себѣ, а не по вліянію другихъ. Онъ, какъ уже извѣстно, колебался между двумя противоположными теченіями, исходившими съ одной стороны отъ Филарета, а съ другой — отъ Фотія. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Иннокентій написалъ свое письмо къ Голицыну въ отсутствіе Филарета изъ Петербурга, когда значить его вліяніе на Иннокентія менѣе всего могло имѣть мѣста. Очень возможно, что Фотій воспользовался отъѣздомъ Филарета для того, чтобы вызвать своего учителя на болѣе рѣшительный и открытый образъ дѣйствій противъ князя Голицына. И Иннокентій подчинился вліянію Фотія. Понятно, письмо Иннокентія къ Голицыну, не смотря на принесенное первымъ извиненіе, должно было поселить холодность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Князь Голицынъ имѣлъ всѣ основанія считать себя оскорбленнымъ Иннокентіемъ и свои отношенія къ нему признавалъ разстроенными.

Между тѣмъ нападки на возобновившійся „Сіонскій Вѣстникъ“ шли своимъ чередомъ. А. Стурдза составленный Смирновымъ разборъ вредныхъ статей „Сіонскаго Вѣстника“ представилъ князю Голицыну. Послѣдній сначала горячо защищалъ благонамѣренность Лабзина и его изданія и даже сослался на то, что онъ самъ цензуровалъ „Сіонскій Вѣстникъ“. Стурдза путемъ обстоятельнаго разбора статей „Сіонскаго Вѣстника“ сумѣлъ на столько убѣдить князя Голицына въ ихъ несостоятельности, что тотъ наконецъ созпался предъ нимъ, что онъ взялся не за свое дѣло. Для того,

¹⁾ Изъ воспоминаній митрополита Филарета. Православное Обозрѣвіе 1868 г. № 8, стр. 523.

чтобы испытать религиозную благонамѣренность редактора „Сіонскаго Вѣстника“, Стурдза предложилъ Голицыну подчинить этотъ журналъ духовной цензурѣ. Князь согласился съ предложеніемъ Стурдзы ¹⁾ и чрезъ нѣсколько дней обратился съ слѣдующимъ отношеніемъ къ митрополиту Михаилу:

Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государь и Архипастыр!

Изданіе Сіонскаго Вѣстника, яко подобное многимъ другимъ сочиненіямъ духовно-нравственнаго содержанія, производилось донинѣ подъ разсмотрѣніемъ гражданской цензуры. Однако глубокія матеріи, содержащія въ себѣ нерѣдко мысли и мнѣнія довольно необыкновенныя и смѣлыя, побудили меня пересматривать самому весьма большую часть изъ статей сего журнала, прежде окончательнаго выпуска изъ цензуры. Со всемъ тѣмъ находя, что при многихъ назидательныхъ статьяхъ появляется въ семь изданіи отъ часу болѣе матеріи таинственнаго въ духовномъ смыслѣ и такого содержанія, что инныя статьи вовсе не слѣдуютъ быть доводимы до общаго свѣдѣнія; вообще же многое въ нихъ касается и до догматовъ церковныхъ, а иногда и мнѣнія частныя по духовнымъ матеріямъ, то я призналъ просмотрѣніе сихъ книжекъ болѣе приличнымъ для лицъ духовнаго вѣдомства.

Государь Императоръ по докладу моему о семъ, изволилъ найти сіе замѣчаніе основательнымъ. Вслѣдствіе того сдѣлано мною распоряженіе, дабы гражданская цензура отнынѣ не принимала болѣе на себя просмотрѣніе книжекъ Сіонскаго Вѣстника, но предоставила издателю представлять оныя въ духовную цензуру, при здѣшней духовной академіи учрежденную.

Увѣдомляя о семъ Ваше Высокопреосвященство покорнѣйше прошу дать отъ себя сообразное съ симъ предписаніе духовной цензурѣ, дабы она отнынѣ принимала на свое разсмотрѣніе книжки Сіонскаго Вѣстника и по приличномъ цензурованіи снабжала оныя по усмотрѣнію своему и одобреніемъ къ напечатанію.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію честь имѣю быть Вашего Высокопреосвященства, Милостиваго Государя и Архипастыря покорнѣйшій слуга
князь Александръ Голицынъ.

№ 1351.

26 іюня 1818 года.

4-го іюля того же 1818 года князь Голицынъ далъ слѣдую-

¹⁾ О судьбѣ православной русской церкви въ царствованіе Александра I. Изъ записокъ Стурдзы «Русская Старина». 1876 годъ. Февраль, 270—272.

щее предписаніе изъ комиссіи духовныхъ училищъ цензурному комитету, при с.-петербургской духовной академіи учрежденному.

По Высочайшей Его Императорскаго Величества волѣ комиссія духовныхъ училищъ предписываетъ цензурному комитету принимать отнынѣ на свое разсмотрѣніе книги Сіонскаго Вѣстника. Въ цензорованіи оныхъ комитетъ имѣеть руководствоваться правилами, въ училищномъ уставѣ изложенными.

князь Александръ Голицынъ ¹⁾.

Избалованный постояннымъ покровительствомъ власти, Лабзинъ крайне оскорбленъ былъ новыми условіями, въ какія поставлено было его изданіе. Онъ до сихъ поръ весьма высококомѣрно относился къ духовенству и никакъ не могъ помириться съ мыслию о томъ, чтобы его журналъ подчиненъ былъ духовной цензурѣ. Конечно онъ отлично хорошо предвидѣлъ и то, что новая цензура будетъ непремѣнно разборчивѣе и строже прежней и скорѣе подмѣтитъ его мистическія тенденціи. „Врагамъ моимъ меня отдали“, говоритъ Лабзинъ по поводу подчиненія его журнала духовной цензурѣ ²⁾. Какъ бы то ни было, Лабзинъ никакъ не хотѣлъ помириться съ духовной цензурой и рѣшился лучше вовсе прекратить журналъ, чѣмъ издавать его подъ духовною цензурою.

Пріостановка изданія „Сіонскаго Вѣстника“ произвела сильное впечатлѣніе на современное общество. Сторонники мистическаго журнала подозрительно посмотрѣли на его прекращеніе и здѣсь видѣли начало паденія мистицизма. Съ другой стороны и противники его ободрились и стали готовиться къ рѣшительной наступательной борьбѣ со врагами. Въ числѣ такихъ рѣшительныхъ борцовъ противъ мистицизма выступилъ статсъ-секретарь Петръ Андреевичъ Кикинъ. Подъ начальствомъ Кикина служилъ одинъ мелкій чиновникъ Евстафій Ивановичъ Станевичъ, находившійся въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Кикинымъ и бывшій другомъ и постояннымъ собесѣдникомъ въ его семейномъ кругу. Семейство Кикина постигло несчастіе, — у Кикина умерло дитя. Станевичъ, какъ свой

¹⁾ Дѣло архива с.-петербургскаго комитета духовной цензуры, при Александровской лаврѣ, дѣло 1818 года подъ № 4.

²⁾ Изъ воспоминаній м. Филарета. Прав. Обозрѣніе 1863 г. № 8, 520—530. Русск. Архивъ 1868, 837—858.

домашній челоуѣкъ, вздумалъ написать въ утѣшеніе сѣдующихъ родителей бесѣду. Въ ней онъ развивалъ идею безсмертія, но въ то-же время доказывалъ, что послѣднее тогда только утѣшительно, когда основывается на обѣтованіяхъ, данныхъ святою православною церковію. Не смотря на такое, по видимому, слишкомъ частное назначеніе, бесѣда Станевича написана была съ тенденціозною цѣлью. Вопросъ о безсмертіи души послужилъ автору поводомъ къ рѣзкимъ и сильнымъ нападкамъ на мистицизмъ. Такою-то книгою, изданіе которой предположено было сдѣлать врасплохъ, и рѣшено было открыть наступательныя дѣйствія противъ мистиковъ¹⁾.

Сочиненіе Станевича по своему характеру и содержанію вполне отвѣчаетъ названію полемическаго сочиненія. Авторъ бесѣды о безсмертіи души не безъ цѣли посвятилъ свое сочиненіе митрополиту Михаилу, который, какъ извѣстно, не сочувствовалъ мистицизму и находился въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ къ князю Голицыну. Въ глазахъ ревнителей церкви и враговъ мистицизма митрополитъ Михаилъ по самому своему положенію, по мимо уже его личныхъ убѣжденій, являлся какъ-бы представителемъ оппозиціи и считался хранителемъ чистоты православной церкви. Въ сочиненіи Станевича находилось слѣдующее стихотворное посвященіе митрополиту Михаилу:

«Проесвященнѣйшій нашъ пастырь Михаилъ!

Голюко Богъ мой духъ въ сей книгѣ просвѣтилъ,

Противу ересей писалъ въ такую мѣру.

Владыко! Не на даръ, возри на теплу вѣру!»²⁾

Изъ самаго посвященія видно, что авторъ, предпологая писать противъ „ересей“, какъ бы испрашивалъ благословенія митрополита на борьбу съ еретиками, т. е. мистиками.

Тонъ сочиненія Станевича довольно рѣзкій. Авторъ постоянно называетъ своихъ противниковъ самыми пелестными именами, какъ

¹⁾ Изъ записокъ Стурдзы. «Русская Старина». 1876 годъ. Февраль. Другія сочиненія Станевича указаны въ росписи руссійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Ф. Смирдина. Спб. 1827 г.

²⁾ Изыющаяся у меня рукопись подъ заглавіемъ: о книгѣ «Бесѣда на гробъ младенца о безсмертіи души», листъ 5.—Первое изданіе книги, въ которой находилось посвященіе, было все уничтожено, за исключеніемъ экземпляра, принадлежавшаго м. Михаилу.

напримѣръ — слугами діавола, лжехристами и под. Общая идея книги состоитъ въ защитѣ обычныхъ установившихся понятій о церкви, іерархіи, о церковныхъ догматахъ и разныхъ установленіяхъ. Авторъ защищаетъ то общее положеніе, что вѣра не отдѣлима отъ церкви, что внѣ церкви не возможно спасеніе, что необходимо послушаніе церкви. Это съ одной стороны. Съ другой авторъ уже прямо нападаетъ на мистиковъ, которые ставили, какъ извѣстно, свою внутреннюю церковь выше внѣшняго раздѣленія различныхъ вѣроисповѣданій и церквей ¹⁾). Авторъ иногда описываетъ нравственныя достоинства христіанина по противоположенію ихъ дѣйствіямъ современныхъ русскихъ мистиковъ, когда онъ напримѣръ пишетъ: „духъ истинно Христовый не въ томъ заключается, чтобы, какъ татю, какъ разбойнику вторгнуться въ церковь и подъ предлогомъ очищенія вѣры низвергнуть таинства ея, уничтожить обряды, нарещи жертву жизни служеніемъ смерти, примѣнить церковь капищу, христіанство сравнять съ язычествомъ, обезславить память святыхъ угодниковъ, наругать ихъ чествованію, отвергнуть лики ихъ“ ... ²⁾). Здѣсь нападки на мистиковъ высказаны болѣе въ формѣ намековъ, неопредѣленныхъ выраженій; въ другихъ мѣстахъ за то прямо высказывается то общее противъ мистиковъ обвиненіе, что они стремятся „потрясти церковь и низвергнуть истинное христіанство“ ³⁾). Вообще вся книга Станевича наполнена довольно рѣзкими нападками на мистиковъ, которые въ большинствѣ случаевъ не называются по имени, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ прямо даетъ понять, что онъ трактуетъ не о какомъ нибудь западномъ, а о современномъ русскомъ мистицизмѣ. „Горестно слышать и читать, съ какою недоброю ревностію похваляются и у насъ сочиненія Дю-Туа ⁴⁾), Сеп-Мартена, изъ которыхъ перваго переведена на нашъ языкъ христіанская философія и еще общають переводъ и его

¹⁾ «Бесѣда на гробъ младенца о безсмертіи души». Второе изданіе. Спб. 1825 годъ, 9—10.

²⁾ «Бесѣда на гробъ младенца», стр. 37.

³⁾ «Бесѣда на гробъ младенца», стр. 46.

⁴⁾ Между тѣмъ божественная философія Дю-Туа была переведена и издана въ Россіи на счетъ самого государя или князя Голыцына. Православное Обозрѣніе. 1868 года № 8, 520—524.

Philosophie Divine, а послѣдній извѣстенъ по переведенной его книжкѣ о заблужденіяхъ и истинѣ... Оныя писатели превращаютъ ученіе Христова и возвѣщаютъ оное не чисто по духу... Она дѣлаютъ злоупотребленіе изъ Библии... Во всѣхъ ихъ писаніяхъ болѣе или менѣе прямо или косвенно примѣчается нѣкая потаенная ненависть противу церкви и освященныхъ проповѣдателей слова Божія¹⁾.

Представленныхъ выдержекъ вполне достаточно для того, чтобы судить о силѣ и степени полемическаго характера сочиненія Станевича. Книга, какъ и слѣдовало ожидать, произвела сильное раздраженіе въ средѣ мистиковъ и вызвала настоящее гоненіе какъ противъ ея автора, такъ и противъ другихъ лицъ, помогавшихъ выходу ея въ свѣтъ. Если разсматривать твореніе Станевича съ точки зрѣнія критической, то оно можетъ быть названо не вполне удовлетворительнымъ сочиненіемъ. Авторъ—свѣтскій человѣкъ, чиновникъ, взялся за дѣло, къ которому онъ не былъ вполне подготовленъ. Его твореніе есть только плодъ искренней религіозности и твердаго убѣжденія въ чистотѣ ученія православной церкви, плодъ несовершенный, но цѣнный именно какъ выраженіе искренняго религіознаго чувства и беззавѣтной преданности православной церкви. Съ этой стороны онъ заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія какъ открытый призывъ и какъ одно изъ средствъ, хотя и несовершенныхъ, къ защитѣ отечественной церкви. Комиссія, разсматривавшая книгу Станевича въ 1824 году и состоявшая изъ двухъ лицъ—протоіерея Вещезерова²⁾ и священника І. Кочетова³⁾, произнесла свой судъ и оцѣнила его книгу именно съ настоящей точки зрѣнія. „Книга сія, такъ писали въ своемъ донесеніи къ митрополиту Серафиму оо. Вещезеровъ и Кочетовъ, по духу своему совершенно сообразна съ ученіемъ вѣры и православной церкви, и

¹⁾ «Бесѣда на гробъ младенца», 74—75, въ примѣчаніи.

²⁾ Тимошей Александровичъ Вещезеровъ. членъ конференціи слб. духовной академіи, скончался протоіереемъ кафедральнаго Петропавловскаго собора. Чистовичъ. Исторія Слб. дух. академіи, 93.

³⁾ Іоакимъ С. Кочетовъ, протоіерей, докторъ богословія, членъ импер. акад. наукъ, профессоръ богословія въ импер. Александровскомъ лицей. Чистовичъ, 372.

даже есть плодъ сильной ревности къ вѣрѣ и пламеннаго усердія къ церкви. Сочинитель ея, разсуждая о безсмертіи души, обращаетъ вниманіе свое на тѣ пагубныя мудрованія, которыя у насъ съ нѣкотораго времени во многихъ книгахъ разсѣваются и которыхъ распространители, проповѣдуя мечтательное благочестіе и мнимодуховную свободу, и свое лжеученіе подтверждая словами священнаго Писанія, превратно изъясняемыми, стараются обольщать сердца способныхъ увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія, истреблять въ нихъ покорность вѣрѣ и церкви, унижать священныя дѣйствія Богослуженія и внушать неуваженіе къ служителямъ олтаря; а такимъ образомъ, потрясая основаніе церкви и развращая нравственность народную, угрожаютъ опасностію благоустройству и благоденствію государства, кои всегда не разлучны съ благосостояніемъ вѣры и церкви.

Сии пагубныя мудрованія сочинитель „Бесѣды о безсмертіи души“ раскрываетъ, обличаетъ и опровергаетъ съ такою ревностію и съ такимъ сильнымъ чувствомъ, какія свойственны усердному сыну церкви и отечества.

Поэтому, мы полагаемъ, что книга его можетъ производить весьма полезныя дѣйствія въ сердцахъ читателей, однихъ предостерегая отъ вводящихъ раздѣленіе и соблазны противъ ученія, которому научаетъ святая церковь, а другимъ открывая глаза на тѣ заблужденія, въ которыя они, по невѣдѣнію, могли быть вовлечены злыми дѣлателями, кои ласковыми и красивыми словами обольщаютъ сердца простодушныхъ“ ¹⁾. Но, съ точки зрѣнія своего выполненія, книга Станевича не находила себѣ одобренія даже въ той средѣ, изъ которой она вышла. А. Стурдза, противникъ мистицизма, книгу Станевича называетъ хотя и благонамѣренною, но нескладною ²⁾. Филаретъ сдѣлалъ еще болѣе рѣзкій отзывъ о ней, назвавъ ее безтолковою ³⁾. Отзывъ м. Филарета повторилъ и соименникъ его Филаретъ ⁴⁾, архіеп. черниговскій.

¹⁾ Извѣщавшая у меня рукопись о книгѣ Станевича. Чтен. въ общ. истор. и древн. 1868 г. кн. III, 50—52.

²⁾ «Русская Старина». 1876 годъ. Февраль.

³⁾ Изъ воспоминаній митрополита Филарета. Православное Обозрѣніе. 1868 года. № 8, 520—530.

⁴⁾ Обзоръ русск. дух. литер. кн. II.

Исторія книги Станевича, по разсказу одного изъ видныхъ современниковъ и людей не причастныхъ ей, именно по разсказу Филарета, состояла въ слѣдующемъ. Привожу дословный разсказъ Филарета, такъ какъ онъ есть почти единственный болѣе обстоятельный источникъ, изъ котораго стала извѣстна оригинальная судьба, постигшая книгу Станевича и ея цензора.

„Въ 1818 году, разсказываетъ Филаретъ, была представлена въ цензуру книга Станевича: „Бесѣда на гробѣ младенца“. Въ ней заключалось много выраженій, оскорбительныхъ для предержавшей власти и вообще для духа правленія того времени. Иннокентій былъ цензоромъ этой книги и лежалъ больнои, а потому не обратилъ должнаго вниманія на тетради, которыя посылалъ ему постепенно Станевичъ. На мою бѣду я посѣтилъ его во время болѣзни, когда рукопись лежала у него на столѣ. Знаете ли вы сію рукопись? спросилъ онъ, я взглянулъ на заглавіе и оставилъ ее безъ вниманія, не ожидая найти въ ней ничего особенно замѣчательнаго. Черезъ нѣсколько дней она явилась въ свѣтъ и произвела много шума. Въ тотъ самый день, когда я получилъ ее отъ автора, князь Голицынъ потребовалъ меня къ себѣ и съ негодованіемъ показалъ мнѣ экземпляръ этой книги, весь исчерченный замѣтками; какъ видно, кто-нибудь заблаговременно постарался поднести ему такой экземпляръ. „Знаете-ли вы эту книгу? спросилъ меня князь, она исполнена непріятныхъ мнѣній и я хочу доложить объ ней государю. Какъ могъ Иннокентій пропустить ее?“ Я старался извинить моего товарища предъ княземъ его нездоровьемъ и просилъ удержаться отъ доклада государю для того, чтобы мнѣ дать время просмотрѣть ее и исправить погрѣшности, перепечатать листы. Съ трудомъ согласился на это князь, потому что онъ сильно былъ предубѣжденъ. Дѣйствительно я самъ изумился тому, что нашелъ въ этой книгѣ и посѣшилъ къ Иннокентію. Онъ отвѣтилъ мнѣ коротко, что *готовъ претерпѣть за правду всякое ионеніе*. Я пошелъ къ митрополиту просить его, чтобы онъ какъ нибудь помогъ этому дѣлу. Митрополитъ оставилъ у себя книгу и два дня не раскрывалъ ее; на третій день я опять пришелъ къ нему и почти насильно заставилъ выслушать нѣкоторые отрывки. Митро-

полить осуждалъ почти каждое слово. Я же сказалъ ему: оставимъ то, что безтолково, исправимъ только то, что можетъ принести намъ вредъ, и перепечатаемъ листы на собственный нашъ счетъ, если не захочетъ авторъ. Митрополитъ опять оставилъ у себя книгу и прошла еще недѣля, а между тѣмъ князь Голицынъ доложилъ государю и въ праздникъ Богоявленія объявилъ назначеніе архимандрита Иннокентія, во уваженіе его заслугъ, епископомъ оренбургскимъ¹⁾.

Самая книга появилась въ концѣ 1818 года и произвела страшную бурю. Мистики съ княземъ Голицынымъ во главѣ взволновались и, чувствуя за собой силу, обратились къ вышнимъ репрессивнымъ мѣрамъ противодѣйствія врагамъ. Избалованный властью, князь Голицынъ не хотѣлъ знать никакихъ законовъ логики. Какъ министръ духовныхъ дѣлъ, онъ воображалъ себя настоящимъ властителемъ церкви (и de facto онъ дѣйствительно былъ такимъ: онъ рѣшился силою заставить молчать тѣхъ, кого онъ считалъ врагомъ своего направленія, и старался силою навязать церкви нелѣпный мистицизмъ. Какъ министръ духовныхъ дѣлъ, Голицынъ дѣйствовалъ именемъ синода, олицетворявшимъ собою всю мѣстную церковь, и путемъ самаго безцеремоннаго насилія ставилъ синодъ въ постоянное противорѣчіе съ самимъ собою, заставляя осуждать то, что было полезно для церкви, и наоборотъ освящать своимъ авторитетомъ то, что шло прямо во вредъ ей.—Особенно это видно на образѣ дѣйствій князя Голицына относительно Иннокентія.

6 января 1819 г. князь Голицынъ далъ комиссіи духовныхъ училищъ, въ вѣденіи которой находилась духовная цензура, предложеніе, въ которомъ высказалъ удивленіе по поводу того, какимъ образомъ могла быть пропущена духовной цензурой такая книга, какъ книга Стаевича. Первое преступленіе автора „бесѣды“ состояло, по словамъ министра, въ томъ, что онъ „къ сужденію о безсмертіи души на гробѣ младенца привязалъ защищеніе нашей греко-россійской церкви, тогда какъ на нее никто не нападаетъ. Церковь не имѣетъ нужды, чтобы частный человекъ бралъ ее подъ свое покровительство, особливо съ той точки, съ которой

¹⁾ Сушковъ. 110—111. Православное Обозрѣніе. 1863 г. № 8, 524—525.

написано все сочиненіе. Защищеніе паружной церкви противъ внутренней наполняетъ всю книгу. Раздѣленіе не понятное въ христіанствѣ*. Любопытно то, что это обвиненіе высказываетъ никто другой, какъ министръ духовныхъ дѣлъ. Далѣе, указаніе Голицына на то, что Станевичъ частный человѣкъ тѣмъ не менѣе взялся защищать православную церковь, на которую будто никто не нападаетъ, говоритъ опять далеко не въ пользу критика. Вѣдь точно также совершенно частныя лица были г-жа Крюднеръ, изувѣръ-Татарина, сконецъ Селивановъ и многіе другіе и наконецъ тотъ же Лабзинъ, которые свободно брались за разсужденія о церкви, презрительно относились къ ней, основывали свои собственные секты, избѣгали общенія съ церковью и которые, какъ частныя лица, не только не заслуживали преслѣдованія оффиціального охранителя интересовъ православной церкви князя Голицына, но даже пользовались еще его могущественнымъ покровительствомъ. Мало того, князь Голицынъ съ религіознымъ благоговѣніемъ преклонялся предъ грязною Татариновою, предъ разлагавшимся Селивановымъ, и это въ то самое время, когда онъ подписывалъ указы о высылкѣ и удаленіи изъ столицы самыхъ уважаемыхъ лицъ, самыхъ достойныхъ людей православнаго духовенства, находившагося въ его вѣденіи. Однимъ изъ вопіющихъ недостатковъ книги Станевича Голицынъ выставилъ и то, что авторъ, упомянувъ въ ней объ извѣстной распрѣ между Боссюэтомъ и Фенелономъ, обвинялъ послѣдняго въ лжеученіи. Это значить, министръ духовныхъ дѣлъ, блюститель интересовъ православной церкви, ставитъ въ преступленіе и автору и цензору, — людямъ *православнымъ* и одному изъ нихъ даже носящему *духовный санъ*, тоу, что одинъ изъ *католическихъ* епископовъ обвиняется ими въ *лжеученіи*. Дальше такого страннаго обвиненія положительно нельзя было идти. Въ заключеніе своего предложенія князь Голицынъ писалъ о книгѣ Станевича, что она „наполнена ложнымъ понятіемъ о церкви и сужденіемъ превратнымъ о внутреннемъ ея духѣ;“ и потому сочиненіе сіе, какъ совершенно противное началамъ руководствующимъ христіанское наше правительство по гражданской и духовной части, съ замѣченными мѣстами представлялъ на усмотрѣніе Государю

Императору. Его Величество, продолжалъ далѣе въ своемъ предложеніи министръ духовныхъ дѣлъ, весьма бывъ недоволенъ, что въ цензурѣ духовной академіи, по новому ея образованію, могла быть одобрена книга, исполненная такого духа, Высочайше повелѣлъ, цензору архимандриту Иннокентію, сдѣлать строжайшій выговоръ за его неосмотрительность, отъ него менѣе ожидаемую по мѣсту имъ занимаемому; комиссіи духовныхъ училищъ принять мѣры, чтобы подобныя сочиненія, стремящіяся истребить духъ внутренняго ученія христіанскаго, никакимъ образомъ не могли выходить изъ цензуръ, находящихся въ ея вѣдомствѣ“¹⁾. Комиссія духовныхъ училищъ, исполнивъ Высочайше утвержденное предложеніе князя Голицына отъ 6-го января, вошла въ Св. Синодъ съ слѣдующимъ представленіемъ, въ которомъ между прочимъ сообщала, что „во исполненіе Высочайшаго повелѣнія она предписала кому слѣдуетъ сдѣлать строжайшій выговоръ архимандриту Иннокентію, на счетъ изъясненнаго обстоятельства, а между тѣмъ, имѣя въ виду, что по опредѣленію Св. Синода, составляется подробный уставъ для комитета духовной цензуры, представляетъ о вышеписанномъ Св. Синоду, на его соображенія при начертаніи правилъ въ руководство духовной цензуры“²⁾. Св. Синодъ по поводу настоящаго представленія комиссіи духовныхъ училищъ 5 февраля постановилъ: „о содержаніи вышеизъясненнаго представленія комиссіи духовныхъ училищъ синодальнаго члена пресвященнаго Михаила, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, увѣдомить указомъ, для обращенія вниманія конференціи здѣшней духовной академіи на вышеозначенный предметъ, касательно духовной цензуры при составленіи устава для духовнаго цензурнаго комитета. О семъ положеніи Св. Синода довести до свѣденія г-на министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія“³⁾. Такимъ образомъ Св. Синодъ санкціонировалъ своимъ авторитетомъ фактъ самаго вопіющаго злоупотребленія со стороны князя Голицына, но конечно авторитетъ Синода не уничтожилъ незаконности дѣяній

¹⁾ Имѣющаяся у меня рукопись о книгѣ Станевича.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

министра духовныхъ дѣлъ. Отсюда видно, что бѣдному Иннокентію пришлось выслушать одинъ и тотъ же выговоръ два раза — и чрезъ комиссію духовныхъ училищъ и чрезъ Св. Синодъ. Иннокентій съ полною покорностью и безропотно вынесъ разразившійся надъ нимъ ударъ. Еще отъ 7-го января онъ писалъ въ одинъ знакомый ему домъ: „Въ понедѣльникъ тяжелая мгла лежала отъ возрѣнія или свиданія противнаго прежнему съ... Меня обвиняютъ многіе и другіе, но не въ томъ, въ чемъ подозрѣваютъ. Приятно слышать обвиненіе въ томъ, въ чемъ отнюдь не причастенъ и въ чемъ успокоиваетъ совѣсть. Если бы во всемъ такъ успокоивалась совѣсть, какъ въ вещахъ нѣкоторыхъ, за кои обвиняютъ, о, рѣшился-бы терпѣть съ радостію не только уронъ чести, но и здоровья и болѣе. Только Господь-бы не оставилъ. Холодность успокоиваетъ меня... Мнѣ думается, что уже доложено государю, о объявленіи медлятъ до удобнаго времени“¹⁾.

Но раздраженіе князя Голицына не знало предѣловъ. Онъ гналъ и автора книги и цензора ея. Какъ увидимъ ниже, Иннокентій не отдѣлался однимъ полученіемъ высочайшаго выговора. Жестоко пострадалъ и бѣдный Станевичъ. Его книга была запрещена и отобрана. Въ тотъ же знаменательный день 6-го января министръ духовныхъ дѣлъ распорядился отправить на имя управляющаго министерствомъ полиціи слѣдующее отношеніе. „Удостоверившись, что книга подъ заглавіемъ — „Бесѣда на гробъ младенца о безсмертіи души“, сочиненія Евстафія Станевича, одобренная здѣшнею духовною цензурою, и въ слѣдствіе того, напечатанная въ типографіи архидіакона Іоаннесова, по содержанію своему, можетъ произвести весьма вредное на умы вліяніе, онъ, князь Голицынъ, немедленно потребовалъ отъ цензора отца архимандрита Иннокентія, одобрявшаго книгу сію, чтобы онъ принялъ надлежащія мѣры къ невыпуску оной изъ типографіи. Архимандритъ Иннокентій хотя выдалъ уже билетъ, но немедленно вытребовалъ оный обратно и выдача книгъ была остановлена. Типографщикъ же Іоаннесовъ далъ подписку, что въ типографіи его напечатано сей

¹⁾ Письма Иннокентія къ князю Мещерской, письмо 22-е, 29—30.

книги 605 экземпляровъ, изъ числа коихъ 52 экземпляра отпущены сочинителю Станевичу, служащему въ канцеляріи статсъ-секретаря Кикина, а остальные 553 хранятся въ типографіи впредь до разрѣшенія.

По донесеніи имъ, княземъ Голицынымъ, о семъ Государю Императору, Его Величество повелѣтъ извоилъ, чтобы всѣ экземпляры сей книги немедленно отобраны были отъ типографіи и конфискованы; равно чтобы и 52 экземпляра, выданные сочинителю, были отъ него взяты. Въ случаѣ-же, если же онъ роздалъ уже нѣкоторые изъ нихъ другимъ, то чтобы и сіи экземпляры были также чрезъ него доставлены и никому не выдаваемы¹⁾.

Полиція усердно взялась отбирать экземпляры воспрещенной книги. Полицейскіе агенты лезли по всѣмъ книжнымъ магазинамъ и даже частнымъ домамъ съ строгимъ требованіемъ о выдачѣ книги, какъ будто съ этой книгою связывалась судьба самаго государства. Заведенъ былъ точный счетъ всѣмъ выпущеннымъ въ свѣтъ экземплярамъ. Чрезъ нѣкоторое время полиція сообщала: „по полученіи отъ с.-петербургскаго военнаго губернатора, графа Милорадовича, въ разное время отобранныхъ экземпляровъ помянутой книги, отосланы оныя были къ князю А. Н. Голицыну, того-жь 1819 года генваря 18-го 576, февраля 3-го 12, и 17 февраля 4, и того 592 экземпляра; чтожь касается до остальныхъ 13 экземпляровъ, то изъ числа оныхъ осталось въ духовной цензурѣ 6, у духовныхъ особъ 3, а остальные четыре не истребованными полиціею“²⁾. Изъ недостающихъ экземпляровъ одинъ остался у митрополита Михаила, уничтоженіе втораго экземпляра оказалось невозможнымъ за высылкою его за границу въ Ахенъ для Стурдзы³⁾. Изъ находящихся въ Россіи владѣльцевъ книги Станевича только одинъ А. С. Шишковъ заупрямился и, не смотря ни на какія требованія полиціи, не хотѣлъ выдать книги. Самъ авторъ былъ высланъ за границу. Иннокентій горько сожалѣлъ о несчастіи Станевича. Вотъ его письмо по этому поводу. „Едва-ли

¹⁾ Имѣющаяся у меня рукопись о книгѣ Станевича.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ „Русская Старина“. 1876 года. Февраль.

не на сихъ дняхъ, писалъ онъ къ княгинѣ С. С. Мещерской отъ 11-го января, положить на меня еще крестикъ, который можетъ быть либо очень длиненъ, либо очень коротокъ, впрочемъ не тотъ еще, который надобно взять для І. Христа. Вы спросите, о чемъ я мечтаю?—о слѣдствіяхъ первой моей глупости. Жаль, очень жаль, что бѣдный сочинитель, коего сочиненіе мною пропущено, въ 24 часа высланъ изъ городу. Этому и я безразсудный и грѣшный причиною. Если-бы я не пропустилъ его книги—онъ былъ-бы на своемъ мѣстѣ, при должности и въ покоѣ. Человѣку маленькому и не богатому и едва-ли не бѣдному сія милость очень чувствительна. Книги полиція отбирала отъ него и отобрала всѣ, не только у него, но и у тѣхъ, которые отъ него получили. Говорятъ, одинъ Шишковъ заупрямился, несогласился отдать. Определено, какъ говорятъ, съечь¹⁾.

Князь Голицынъ поднялъ бурю изъ-за ничтожной книги и болѣе всего скомпрометировалъ себя своими возмутительными дѣйствіями противъ Иннокентія и Станевича. Болѣе благоразумные люди, и даже самъ пострадавшій цензоръ, предлагали самый простой способъ сдѣлать книгу малоизвѣстною. „Выговора я еще не слышу, писалъ Иннокентій отъ 8 января,—тѣмъ болѣе слабѣетъ слабая душа моя. Видясь съ К.²⁾ во дворцѣ въ крещенье, примѣтилъ я, что онъ глубоко оскорбленъ моею неосторожностью. Но между нами сказать помолился за него во время приношенія Господу безкровной жертвы и не знаю отъ чего—съ умиленіемъ сердечнымъ и слезнымъ. Такъ Господь послалъ, такъ смягчилось сердце. Оправдываться ничѣмъ не хочу и не могу, кромѣ того, что я отнюдь не врагъ К., никакъ и никогда не хотѣлъ замышлять противъ и входить въ общество противниковъ его. Сіе доказываю тѣмъ, что я-же первый далъ случай и открылъ способъ остановить эту книгу, когда ее не знали, какъ и уже не могли остановить, какъ развѣ съ ужаснымъ шумомъ. Дѣло бы кончилось тѣмъ, что поелику книга выпущена, то молчать лучше, нежели запрещать. Тогда-бы ни сочинителю, ни цензору не сказали ни слова. Но что угодно

¹⁾ Письма еп. Иннокентія къ княгинѣ Мещерской, 24-е письмо, стр. 32.

²⁾ Разумѣется князь Александръ Николоевичъ Голицынъ.

Господу, то и да будетъ“ ¹⁾). Князь Голицынъ и его клеветы сами вооружили противъ себя общественное мнѣніе изъ-за преслѣдованія незначительной книжки.

Отъ 8 января Иннокентій писалъ въ одинъ знакомый домъ: „Если между мною и княземъ Александромъ Николаевичемъ ²⁾ не будетъ мира, то трудно мнѣ являться въ собранія къ нему и ему трудно будетъ терпѣть меня. Такимъ образомъ, я какъ соръ петербургскій, какъ уметь духовный долженъ быть выброшенъ изъ Петербурга. Если и то угодно Господу, то вѣрно къ пользѣ общей—моей и другихъ. Что дѣлать? Міръ какъ море, городъ какъ пучина, человѣкъ какъ легкая ладья, а нашъ братъ,—разумѣю о себѣ, какъ легкое перо или какъ обломокъ доски, переносимый всюду моремъ, потопляемый и извергаемый, не только пучиною, но и каждою волною“ ³⁾). Дѣйствительно князь Голицынъ хотѣлъ излить всю свою желчь на неповиннаго ни въ чемъ цензора и постарался совсѣмъ удалить его изъ Петербурга. Въ день Богоявленія 6 января князь Голицынъ объявилъ назначеніе архимандрита Иннокентія, какъ-бы во уваженіе его заслугъ, епископомъ въ Оренбургъ,—одинъ изъ самыхъ захолустныхъ городовъ, находившихся на окраинѣ Россіи. Хуже этой каеедры трудно было и подыскать, только раздраженіе князя Голицына противъ Иннокентія могло указать ему сдѣлать такой выборъ. Для всѣхъ очевидно было, что назначеніе Иннокентія въ Оренбургъ было почетное удаленіе. Гнѣвъ министра духовныхъ дѣлъ былъ такъ великъ на Иннокентія, что онъ не хотѣлъ провести его назначеніе законнымъ порядкомъ—черезъ Синодъ. Онъ прямо выхлопоталъ у государя высочайшее повелѣніе о назначеніи Иннокентія епископомъ въ Оренбургъ. Очень можетъ быть, что онъ здѣсь хотѣлъ предупредить возможность всякихъ ходатайствъ за Иннокентія. Митрополитъ Михаилъ, мягкій, уступчивый, здѣсь не выдержалъ и принялъ самое живое и горячее участіе въ судьбѣ своего любимца и помощника. Ему особенно больно было и то, что назначеніе Иннокентія сдѣлано было безъ

¹⁾ Письма Иннокентія къ княгинѣ Мещерской, стр. 30.

²⁾ Т. е. Голицынымъ.

³⁾ Письма Иннокентія къ княгинѣ Мещерской, 31.

синодальнаго избранія—прямо отъ императора, вопреки установившимся церковнымъ порядкамъ. Митрополитъ Михаилъ настолькоъ здѣсь проявилъ нравственнаго мужества, что позволилъ себѣ сдѣлать замѣчаніе князю Голицыну по поводу неправильнаго назначенія Иннокентія въ самомъ присутствіи Синода ¹⁾. Митрополитъ хорошо зналъ, что не удержатъ ему своего друга Иннокентія въ Петербургѣ. Поэтому онъ рѣшился по крайней мѣрѣ переимѣнить ему катедру на болѣе для него благопріятную по климату, что было весьма важно для Иннокентія, какъ человѣка очень больного. На этотъ разъ сдѣлалась вакантною катедра въ Пензѣ, по этому онъ предложилъ въ засѣданіи Синода перевести Иннокентія въ Пензу. Князь Голицынъ по раздраженію отвѣчалъ, что еще не было примѣра, чтобы епископа, еще не прибывшаго въ епархію, переимѣщали въ другую ²⁾. Удивительно, что князь Голицынъ подъ вліяніемъ личнаго оскорбленія доходилъ до противорѣчія самому себѣ и исторіи. Для удаленія Иннокентія изъ Петербурга онъ допустилъ отступленіе отъ установившихся порядковъ, примѣры котораго были чрезвычайно рѣдки и исключительны. Между тѣмъ когда митрополитъ Михаилъ сталъ хлопотать о переводѣ Иннокентія въ Пензу, князь Голицынъ припомнилъ не только разныя узаконенія, но даже простые обычаи, никогда не имѣвшіе силы закона. Его ссылка на то, что не было примѣровъ перевода епископа, не бывшаго въ назначенной ему епархіи, въ другую, совершенно не вѣрна. Въ 1799 году, т. е. двадцатью годами ранѣе разсматриваемаго случая, состоялось назначеніе на вновь открывшуюся калужскую архіерейскую катедру Серапіона Александровскаго, который, совсѣмъ не выдавши Калуги, переведенъ былъ въ Казань ³⁾. Можно удивляться степени озлобленія министра духовныхъ дѣлъ противъ Иннокентія. Онъ зналъ его лично, и конечно хорошо зналъ и о его болѣзни, но все-таки оказался здѣсь настолько жестокимъ, что не обратилъ никакого вниманія на его бо-

¹⁾ *Сушковъ*. Записки о жизни митрополита Филарета. 108—111.

²⁾ Изъ воспоминаній митрополита Филарета. Православное Обозрѣніе. 1868 годъ. № 8, 524—525.

³⁾ Иеромонахъ *Леонидъ*. Исторія калужской іерархіи.

лѣзнь и, настаивая на назначеніи Иннокентія въ Оренбургъ, тѣмъ самымъ обрекалъ его на преждевременную смерть. Отказъ Голицына переимѣнить Иннокентію епархію не остановилъ митрополита Михаила, который хотѣлъ употребить всѣ свои усилія для того, чтобы хоть сколько-нибудь помочь своему другу. Митрополитъ обратился за содѣйствіемъ къ княгинѣ Софьѣ Сергѣевнѣ Мещерской, пользовавшейся, какъ извѣстно, большимъ уваженіемъ императора Александра. Императоръ любилъ княгиню за ея благочестіе, часто навѣщалъ ее и бесѣдовалъ съ нею о религіозныхъ предметахъ ¹⁾. Какъ по просьбѣ митрополита Михаила, такъ и по своей любви къ Иннокентію, княгиня Мещерская приняла самое живѣйшее участіе въ его судьбѣ. Она внушила императору, что Иннокентій удаляется изъ Петербурга совершенно невинно. Императоръ захотѣлъ по обстоятельнѣе ознакомиться съ дѣломъ Иннокентія и, вѣроятно, по совѣту той же Мещерской пригласилъ къ себѣ митрополита Михаила. Аудіенція митрополиту назначалась въ самое неурочное время и потому нужно думать, что она дана была безъ вѣдома князя Голицына ²⁾. Чего ожидали отъ высочайшей аудіенціи, данной митрополиту Михаилу, это видно изъ одного письма Иннокентія, который въ концѣ февраля писалъ въ одинъ знатный домъ, принимавшій въ немъ самое близкое участіе: „приготовленіемъ всего дорожнаго немного помедлите; нынѣ *въ шесть часовъ вечера* преосвященный митрополитъ будетъ у государя и потому судьба моя можетъ быть рѣшится иначе, чѣмъ предположено.“ Митрополитъ Михаилъ въ аудіенціи выяснилъ предъ государемъ дѣло Иннокентія въ его дѣйствительномъ видѣ и старался показать предъ нимъ всю невинность цензора. Добрый и мягкосердечный Михаилъ до того расположилъ государя въ пользу Иннокентія, что тотъ не только согласился съ просьбою митрополита о назначеніи его въ Пензу, но даже пожелалъ лично видѣть самого Иннокентія и самъ назначилъ для него день его приѣма. Въ письмѣ отъ 5 марта Иннокентій писалъ: „государь императоръ нынѣшній день хотѣлъ меня звать къ себѣ. Извѣстіе или

¹⁾ Дневникъ кавалера Грелье, «Русская Старина», 1874. Январь.

²⁾ Автобіографія Фотія, книга II, 52—55. Сушковъ, 111—115.

требованіе придетъ чрезъ высокопреосвященнаго митрополита*. Такимъ образомъ Иннокентій вмѣсто епископа оренбургскаго сдѣлался епископомъ пензенскимъ, но все таки долженъ былъ оставить Петербургъ, чего болѣе всего и хотѣлось князю Голицыну ¹⁾).

Въ желаніи удалить Иннокентія и даже въ содѣйствіи сему нѣкоторые современники обвиняютъ ректора академіи епископа Филарета ²⁾).

Что Филаретъ былъ противъ пропуска книги Станевича, это видно изъ его собственныхъ словъ, приведенныхъ нами выше. Архимандритъ Фотій сообщаетъ слѣдующій разговоръ, происходившій между Филаретомъ и Иннокентіемъ по поводу книги Станевича. Филаретъ, только что ознакомившійся съ изданною книгою, встрѣтившись съ Иннокентіемъ во время прогулки въ лаврѣ, между прочимъ замѣтилъ ему, что въ книгѣ Станевича находится нѣчто такое, что противно символу вѣры. Иннокентій отвѣтилъ Филарету съ тономъ обиженнаго человѣка: „преосвященный! неужели я символа вѣры не знаю“ ³⁾).

Фотій настойчивѣе всѣхъ проводитъ мысль объ участіи Филарета въ паденіи Иннокентія и, нужно замѣтить, доходитъ здѣсь даже до очевидной крайности. Онъ напримѣръ говоритъ, что „другъ Иннокентія бывшій всегда Филаретъ... врагамъ вѣры и церкви угождая, напрасно *едимъ* дерзнулъ осудить Иннокентія: его судъ былъ принять“ ⁴⁾). Въ этихъ словахъ справедливо развѣ только то, что Филаретъ дѣйствительно сдѣлалъ дурной отзывъ о книгѣ Станевича ⁵⁾). Въ составленномъ Фотіемъ житіи Иннокентія подѣ

¹⁾ О гоненіи на Иннокентія свидѣлствуютъ нѣкоторые и другіе современники кромѣ указанныхъ здѣсь до сихъ поръ. Воспоминанія А. П. Бяляева. «Русск. Старина». 1880 г. Сентябрь. Воспоминанія священника Я. Я. Морошкина. «Русск. Стар.» 1876 г. Октябрь.

²⁾ На участіи Филарета въ удаленіи Иннокентія изъ столицы особенно рѣшительно настаиваетъ Мельниковъ. Русскій Архивъ 1873 г., кн. VIII, 1442, въ примѣчаніи. Болѣе компетентный Бодянский колеблется признать Филарета врагомъ Иннокентія, но и не высказывается въ пользу перваго Письма Иннокентія къ Мещерской, предисловіе I—III. М. 1875.

³⁾ Автобіографія, кн. II, глава 1.

⁴⁾ Автобіографія, кн. II, глава 1 въ концѣ.

⁵⁾ Православное Обзорніе. 1868 годъ, № 8. Сушковъ 111—115.

врагами церкви, сившимися какъ-нибудь съ безчестіемъ удалить Иннокентія изъ Петербурга, несомнѣнно разумѣтся и епископъ Филаретъ ¹⁾).

По словамъ Сушкова, многіе современники винили Филарета въ его недоброжелательствѣ къ архимандриту Иннокентію. Извѣстный почитатель митрополита Филарета А. Н. Муравьевъ говорилъ, что онъ часто слыхалъ нареканіе на митрополита Филарета, будто онъ былъ виною гоненія на преосвященнаго Иннокентія, епископа пензенскаго. По словамъ самого Филарета, почитательница Иннокентія княгиня Софья Сергѣевна Мещерская, находившаяся нѣкоторое время въ хорошихъ отношеніяхъ и съ Филаретомъ, послѣ извѣстной исторіи съ Иннокентіемъ сильно подозрѣвала его въ гоненіи противъ Иннокентія и поэтому стала относиться къ нему сдержаннѣе и холоднѣе. Самъ наконецъ Иннокентій нѣкоторое время подозрительно относился къ Филарету и сомнѣвался въ искренности его къ себѣ. По сознанию самого Филарета, въ письмахъ Иннокентія къ княгинѣ Мещерской проглядывало нѣкоторое чувство недовѣрчивости его къ Филарету ²⁾). Весьма любопытенъ въ данномъ случаѣ слѣдующій разговоръ Фотія: епископъ нѣкій, такъ пишетъ онъ въ житіи Иннокентія, имѣя въ виду несомнѣнно Филарета, былъ тихъ, молчаливъ и остороженъ во всѣхъ своихъ рѣчахъ и словахъ; и я, рассказываетъ далѣе о себѣ Фотій, спросилъ Иннокентія: владыко святыи, рцы мнѣ, ходитъ-ли къ сему епископу по твоему разлученію? И отвѣщаль онъ: молю тебя ходи и учишь у него молчанію; но не обращай въ правобѣріе его, ибо не обратишь ты его. *Я ему внушалъ объ томъ и вотъ страдаю*“. Едва-ли въ представленномъ разговорѣ Фотія находится много вымышленнаго; въ немъ встрѣчается нѣчто такое, что соотвѣтствуетъ

¹⁾ Въ рукописномъ оригиналѣ житія противъ имени Филарета написано рукою извѣстнаго нашего историка, Филарета, архіепископа черниговскаго: «о послѣднемъ (т. е. Филаретѣ Дроздовѣ) не справедливо подозрѣніе. По его отзыву, высказанному мнѣ случайно, онъ напротивъ предостерегалъ и уговаривалъ блаженнаго Иннокентія не одобрять книги, которая дѣйствительно при своемъ добромъ намѣреніи написана плохо, неотчетливо, бездоказательно, безсвязно. Ф. А. Ч.».

²⁾ Сушковъ. 108—115. Православное Обозрѣніе. 1868 г., № 8, 524—526.

дѣйствительнымъ событіямъ того времени ¹⁾). Такимъ образомъ мы видимъ, что слишкомъ много голосовъ раздается и они настойчиво заявляютъ себя въ пользу того, что Филаретъ былъ не непричастенъ паденію Иннокентія. Данныя, говорящія противъ этого предположенія, сводятся къ одному источнику—къ свидѣтельству самого заинтересованнаго лица, Филарета. Но такъ какъ нравственный характеръ м. Филарета всегда стоялъ на недостигаемой высотѣ чистоты и безупречности, то онъ одинъ можетъ быть признанъ настолько компетентнымъ авторитетомъ въ данномъ случаѣ, что свидѣтельство одного Филарета можетъ быть принято въ степени вѣроятности равной вѣроятности свидѣтельствъ современниковъ, взятыхъ всѣхъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ вопросъ объ участіи Филарета въ гоненіи на Иннокентія при отсутствіи *прямыхъ фактическихъ данныхъ* и по настоящее время остается открытымъ.

Иннокентій безропотно, съ покорностью и съ полною вѣрою въ промыслъ Божій отнесся къ перемѣнѣ своей служебной дѣятельности. Далекое не такъ спокойно отнесся къ удаленію Иннокентія его ученикъ Фотій. Однажды находясь въ уединенной бесѣдѣ съ Иннокентіемъ, Фотій сталъ было жестоко бранить и поносить князя Голицына за его несправедливость, гнѣвъ и жестокость къ Иннокентію. Послѣдній не далъ какъ слѣдуетъ высказаться Фотию и тотъ-часъ-же остановилъ его. За тѣмъ онъ напомнилъ ему о заповѣди Иисуса Христа любить враговъ и благословлять клянущихъ насъ. Мало того, прослезившись онъ сталъ убѣдительно просить Фотія о томъ, чтобы и тотъ съ своей стороны помолился за князя „да внушитъ ему Господь преложиться сердцемъ на блага“ ²⁾). Иннокентій былъ хиротонисанъ 2 марта въ Казанскомъ соборѣ. Въ день посвященія, вечеромъ, явился къ нему съ поздравленіемъ Фотій и они въ задушевной бесѣдѣ провели время до полуночи. Здѣсь между прочимъ Фотій, замѣтивъ пріятную перемѣну въ лицѣ Иннокентія, которое сіяло у него духовною радостію и умиленіемъ, спросилъ его о томъ, не сокрушается-ли его сердце назначеніемъ его въ епископа города Пензы. Иннокентій, приложивъ

¹⁾ Сравн. письма Иннокентія къ С. С. Мещерской, стр. 50—51.

²⁾ Житіе Иннокентія, составленное Фотиемъ.

свою руку къ сердцу, сказалъ на это своему собесѣднику: о Боже! какъ я могу быть недоволенъ даромъ Твоей Божественной благодати! я недостойный рабъ—а почтенъ отъ Бога святѣйшимъ саномъ“ ¹⁾). Пресвященный Иннокентій проникнуть былъ величайшимъ уваженіемъ къ епископскому сану, но въ то же время по своей скромности стѣснялся тѣхъ почестей, какія воздаются архіереямъ, и тѣхъ правъ, какими они располагають. „Я теперь, писалъ онъ уже изъ Пензы въ Москву въ іюль 1819 года, долженъ и писать и говорить и внушать то, что во славу Божию, устраниая себя. Мнѣ кланяются,—а поклоненіе принадлежитъ Богу единому, меня почитаютъ,—а честь и держава должна быть воздана Богу. Меня заставляютъ управлять и повелѣвать, а царство и власть и сила суть единого Господа Иисуса Христа... Лучше въ тишинѣ, лучше внизу, лучше подъ снудомъ, лучше въ пустынѣ, нежели въ Египтѣ, лучше на горѣ Елеонской, нежели въ Іерусалимѣ“.

В. Жмакинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

¹⁾ Жит. е. Иннокентія, составленное Фотіемъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки